

ТЮМЕНЬ Литературная

Газета русской

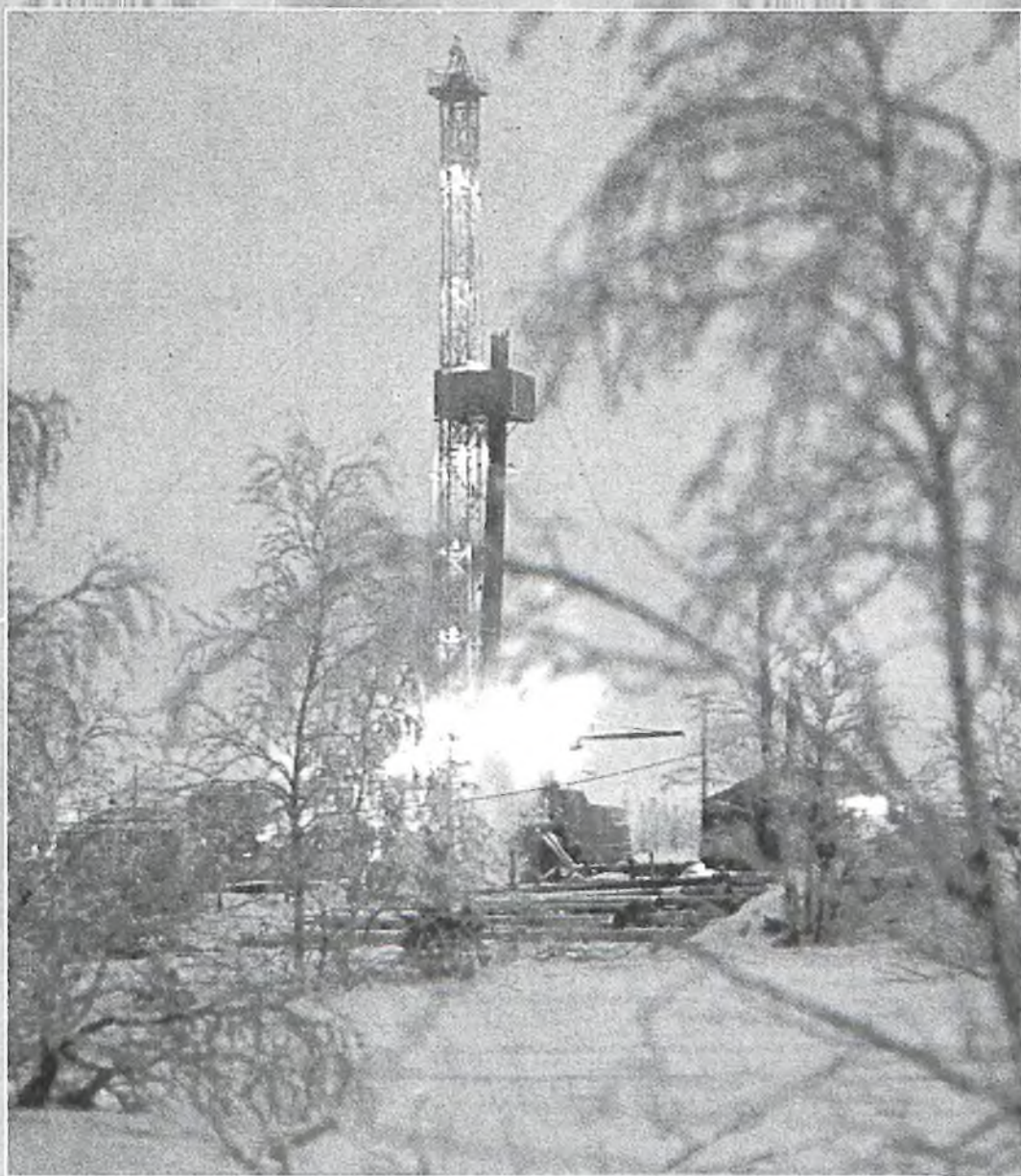
литературы и культуры

RUSSIA № 4 (92) 2007 г.

TYUMEN

Первый номер

вышел в июле 1972 г.

**Номер выходит к 45-летию
создания Тюменской областной
писательской организации**

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

ТЮМЕНЬ

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВСТРЕЧА НА ТАЕЖНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Фото И. Сапожкова

Тюменская областная писательская организация подходит к сорокапятилетней дате своего существования. Она возникла в начале 60-х минувшего века, в пору развертывания великих событий в Западной Сибири, в период открытия и разработки богатейших месторождений нефти и газа, прокладки трубопроводов, дорог в морозной тайге и тундре, строительства новых городов и поселков, в годы становления и развития культуры в нашем романтическом и суровом крае.

Писатели страны, в первую очередь писатели Тюменищины, запечатлели этот Всенародный патриотический подвиг на тюменском меридиане в своих романах, повестях, рассказах, очерках, стихах, поэмах, географические приметы которых – от жарких ишимских лесостепей до берегов холодного Карского моря.

Велики ваши дела, соотечественники, земляки.

Слава сибирякам, совестливо и мужественно продолжающим и сегодня в новых условиях жизни честно и талантливо работать, делать историю Отечества!

НАШ ПУТЬ

Пишу эти строки в октябре. А в середине февраля будущего года писатели Тюмени и области отметят сорокапятилетие местного творческого Союза. Губернатор, администрация области, общественность поддержали наше предложение о проведении ряда юбилейных мероприятий, в частности, Литературной конференции и Творческого вечера: писателей, читателей, молодых литераторов, гостей Тюмени.

С писательской организацией области начинал я почти от первого «колышка», можно б многое итожить. Вспомню некоторые характерные жизненные и творческие моменты...

Поздней зябкой осенью 65-го, меня, демобилизованного флотского старшину, студента Литературного института им. Горького, «привел» в организацию земляк и друг из Ишима поэт Владимир Нечволода. Прослушав несколько моих лирических стихов, писательский руководитель Константин Лагунов сказал: «Вечером будешь читать с трибуны обкома партии!» Открывалась Вторая Неделя поэзии. В область приехали известные поэты страны, нас, тюменцев, «бросили на поддержку, на укрепление».

Горячо аплодировал стихам переполненный обкомовский актовый зал (других больших залов тогда не имела Тюмень), затем был праздничный прием у областного руководства. На утро искали мы с Нечволодой участников вечернего действия. Первым повстречался на метельной улице свердловский поэт Борис Марьев. Молодой, улыбчивый, при шикарном бороде: «Я несусь по городу яростную бороду!..» Ярко он писал – в отличие от отдельных нынешних свердловчан, обросших литературными премиями и лауреатскими медалями...

Вскоре все мы и именитые гости – Илья Фояков, Заки Нури, Дмитрий Ковалев, Людмила Щипахина, Борис Марьев и наши талантливые ребята – Анатолий Кукарский, Владимир Фалей, Алла Кузнецова, Галина Слинкина, Андрей Тарханов разъехались по тюменской земле – на встречи с читателями.

Познакомился как-то с молодым геологом Геннадием Сазоновым. У него вышла первая книжка прозы, о ней заговорили: новое имя! Помню, присланный в писательскую газету «Тюмень литературная», деревенский рассказ журналиста Зота Тоболкина. И как мощно зазвучал во время Всесоюзных Дней литературы на Тюменщине, в начале 70-х, поэт-ханты Микуль Шульгин в переводах ленинградцев.

Приглашали нас в свой круг писатели Иван Ермаков, Владислав Николаев, Людмила Славолюбова, читали новые стихи, обсуждали публикации в журнале. Славолюбова, завершая домашний вечер, садилась обычно к роялю...

Профессиональная организация СП в Тюмени начиналась в пору развертывания строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в пору романтики и высоких взлетов. С шести членов Союза писателей СССР начиналась она – в 1963-м. Когда в 74-м был принят в СП З. Тоболкин, а в 75-м автор этих строк, нас было уже десять профессиональных «штыков» (включая принятых ранее Сазонова и Шульгина) на всю территорию огромной области. Немного? Строг был прием на месте и утверждение в Москве. И творческая организация звучала!

С высоты пройденных лет, замечу: в 83-м мы совершили ошибку – отстранили от должности руководителя К.Я. Лагунова. Организацию на два выборных срока возглавил Е. Г. Ананьев-Шерман. Человек компанейский, но авторитета предшественника он не имел.

Покинули земной мир или уехали в другие края основатели местного Союза. Приспела смута перестройки. В итоге – продолжительное запустение, «камаринские мужики», закусь, мухи... Но буйно росли ряды СП. Повсюду. Осколки Всесоюзной организации устроили вроде соревнования по количеству росту. Принимали и достойных. Но доходило и до

курьёзного. Как-то обратился ко мне за рекомендацией в СП старичок с книжечкой об «опыте разведения пчел»...

Господь многое, к сожалению, попускал.

Русский холокост 90-х задел все сферы жизни.

Показателен ближний пример с Домом писателей на ул. Осипенко. При ответственном секретаре С.Б. Шумском этот памятник старины капитально отремонтирован, писателями затрачено 600 тысяч далеко не деревянных дореформенных рублей. И вот однажды в наш дом, как бы «ненадолго», подселась группа предприимчивых товарищей во главе с бывшим библиотекарем (сочиняющим стихи) А. Марласовым. (Вопрос: кто впустил, кто вручил ключи от дверей?!) Подселенцы, озабоченные «сбережением культурных ценностей», напористо распространялись по дому, уничтожая или растаскивая всё, что принадлежало писателям. Хозяйничая, как в собственном кармане, марласовцы – в наше отсутствие – выкинули во двор, под ливни, остатки писательской мебели, архив, бухгалтерскую документацию. (Какое надо иметь пренебрежение к творческим людям, чтоб так цинично глумиться над ними!). С боями, при помощи журналистов, депутатов областной Думы, отстояли мы две комнаты в двухэтажном доме, отчасти восстановили мебель, собрали остатки многолетнего архива... С трудом, но, вроде б, договорились о совместном существовании под одной крышей... Событие вошло в историю писательской организации, как «погром». Моральный ущерб не избыть ничем. Пострадали 40 членов Союза писателей России, состоящих у нас на учете, также молодые ребята наших литобъединений...

Союз писателей РФ из государственной структуры с бюджетным финансированием (как было при всех генсеках, даже при Ельцине), превращен нынче в «самодостаточную» общественную структуру. Где-то посчитали, что писатели, вроде торговцев «челноков», выживут за счет коммерции. Далекое не везде получается. На торгашество кто из нас горазд? Хотя «где-то кое-кто у нас порой...». Что тут скажешь? Поэзия, искусства – Храм, торгашам, менялам не должно быть в нем места...

В РФ сегодня просматриваются тенденции к наведению порядка во многих сферах, к ликвидации наследия 90-х. Озаботимся ль Русской культурой, вернёмся ль к бюджетной поддержке писательских структур, сообщая ликвидировав разруху в головах: лира «пробуждает чувства добрые». (Кстати, наши книги, книготорговля, раньше были и самым мощным наполнителем государственной казны).

Без здоровой идеологии, без культуры истинной, национальной, не обойтись России, если она намерена жить и развиваться. Трудолюбие, коллективизм, честность, сострадание, любовь к Отечеству – основы русской жизни, ведь русский народ по-прежнему государствообразующий.

У Тюменской организации писателей, несмотря на издержки, продуктивный путь. Предшественниками создана целая библиотека хороших и разных, как говорил поэт, книг. Коллеги по зову таланта продолжают работать. Во главу угла мы ставим не только природный дар, но и гражданскую позицию. Лучшие наши книги – при спонсорской поддержке – выходят. Люди ждут правдивого, еще не сказанного им, слова. И от него зависит завтра!.. Многие тревожат. Но с нами великая литература классиков, пример подвижничества тех, кто стоял у истоков творческой организации.

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ,
ответственный секретарь
Тюменского регионального отделения
Союза писателей России

Тюмень литературная

РОЖДЕНИЕ

ИЗ СТАТЬИ «В ВОРОТА ПАМЯТИ СТУЧУСЬ»

...В шестьдесят третьем в Тюмени не было дворцов культуры, не было и филармонии, и Дома политического просвещения с их просторными многоместными залами. В городе имелся всего один большой, современно оборудованный зал заседаний в помещении областного комитета партии. В том зале проходили все наиболее значимые совещания, заседания, конференции, пленумы. Поэтому, вероятно, никого не удивило, что в тот студенческий февральский вечер к обкому шли и шли люди.

Однако, внимательный наблюдатель непременно заметил бы, что на сей раз в обком спешили не только партийные, советские, комсомольские да профсоюзные деятели, но и учителя, врачи, журналисты, студенты, военнослужащие. И шли они в основном не по одному, а веселыми говорливыми стайками – так идут на всенародный праздник.

К означенному в приглашениях часу зал заседания обкома партии был переполнен. Припоздавшие стояли либо сидели в проходах на невесть где раздобытых стульях.

Непривычным оказался и состав президиума этого собрания. Вместе с областной «верхушкой», возглавляемой первым секретарем Тюменского обкома партии Борисом Евдокимовичем Щербина, за длинным широким столом президиума восседал секретарь правления Союза писателей РСФСР, известный детский писатель Сергей Баруздин и шестеро именинников – членов Союза писателей СССР, из которых и состояла только что родившаяся Тюменская областная писательская организация. Ее рождению и посвящено было столь представительное и многолюдное собрание общественности города Тюмени.

Собрание открыл Борис Евдокимович Щербина. Человек высокообразованный, эрудит, прекрасный оратор. По своей природе, складу ума, духовному настрою Щербина был идеологом. Его всегда занимала и глубоко волновала духовная жизнь всего советского общества, и, конечно же, своего края. Именно он сыграл решающую роль в создании областной писательской организации. Щербине во многом обязана она своим стремительным взлетом, превращением в одну из авторитетнейших писательских организаций Советского Союза...

Нарядные, веселые, улыбчивые тюменцы восторженной овацией встретили весть о рождении областной писательской организации. И щедрыми аплодисментами наградили каждого писателя.

За вычетом моей персоны, их было пятеро. Великолепная пятерка!

Чтобы даже бегло охарактеризовать каждого, старательно роюсь в памяти, шариваю нужный пласт, вытаскиваю его на свет божий. Начинаю медленно потрошить его, отыскивая желаемое...

Иван Истомин. Человек-легенда. Прозаик и поэт. Публицист и драматург. Всю жизнь не расстававшийся с костылями. На закате своей жизни Иван Григорьевич задумал книгу «Преодоление». Это – не роман. Не повесть. Это – исповедь могучего духом, отважного и дерзкого человека, всю жизнь преодолевающего жесткие насюки немилосердной судьбы.

И начиналась эта исповедь такими стихами:

*О, если б могли
костыли объясниться,
Они рассказали б (пускай не в стихах),
О том, почему и во сне мне не снится,
Что я без подпорок стою на ногах.*

*Они рассказали б про горькое детство,
Про то, как недуг мою юность распял,
Про то, как искал я*

*волшебное средство,
Как Бога молил. Как Его проклинал.
От горя мои костыли почернели,
Но я не сдаюсь. Мой еще не черед.
С трудом отрываю себя от постели,
Беру костыли, и... полшага вперед.
Какая же сила нужна и отвага
(Навряд ли из вас*

это кто-то поймет).

*Чтоб кинуть себя всего на полшага,
Всего на полшага – вперед!..*

Вот таков он, Иван Истомин. Первый из первой пятерки профессиональных писателей земли тюменской.

Вторым память высветила Михаила Лесного (Зверева).

Это добродушный, изысканно вежливый, гостеприимный ишимец. Он жил тихо и неприметно в своем ишимском «поместье». Сочинял превосходные книжки для детей – о родной сибирской природе, о наших четвероногих друзьях.

Настал черед Майи Сыровой.

Смуглоликая болгарка. С ослепительной улыбкой и искристым взглядом. Поэтесса. Вскоре переехала в Москву. В кардиологической клинике встретилась с будущим мужем. Оба страдали от одинакового сердечного недуга. Уговорила мужа на операцию. Их прооперировали одновременно. Из реанимационной Майя ушла в мир иной, а муж выжил.

Не успел я завершить представление Майи Сыровой, а из вороха воспоминаний уже возник самостийно неукротимый, размашистый и голосистый Иван Ермаков.

Крупный плечистый мужик. С лицом грубым, будто наспех, одним топором вытесанным. Большенос. Крупные ядренные губы. Лохматые брови. В глазах – озорное лукавство. Он пришел в Союз писателей с большой книгой самобытных, ярких, звонких сказов, которые намного пережили писателя. И будут жить еще долго-долго...

Закмывает великолепную пятерку Василий Еловских. Худощавый, очень проворный и энергичный человек. Принимали его в Союз по книгам, вышедшим в Москве. А это что-нибудь да значит...

После торжественного публичного крещения новорожденной Тюменской областной писательской организации, нас пригласили в малый зал заседаний бюро обкома партии. Зеркально отполированные столы накрыты белыми салфетками. На них закуски и напитки. Там новорожденную омыли «русской горькой».

Старая Тюмень

Чтоб в зале заседаний бюро обкома партии пили водку, курили, и во всю мощь голосовых связок базарили кто во что горазд, а захмелевший Иван Ермаков хриплым баритоном распевал самодельные частушки – такое и присниться в ту пору никому бы не могло. Но жизнь изобретательней и фантастичней любых снов...

***

Появление профессиональной писательской организации взбудрило, разогнало, раскрутило литературную и духовную жизнь нашего неоглядного, сказочно богатого талантами, края.

Что такое шесть человек, шесть профессиональных писателей? Ничтожно малая величина в сравнении с теми всесоюзными мероприятиями, которые принесли ей общепризнанный авторитет и славу.

Штатных работников в писательской организации было всего двое: я (ответственный секретарь) и Зинаида Александровна Белова-Черкасова. Она была бухгалтером и кассиром, техсекретарем и машинисткой, делопроизводителем и завхозом. И еще литератором: её рассказы и очерки постоянно появлялись в местных газетах, передавались по областному радио.

Невысокая. Спортивно стройная. Энергичная и очень подвижная. Умела делать все: шить и вязать, плотничать и малярить, стряпать и считать, печатать на машинке и сочинять рассказы. Это была женщина высоконравственная, неправдоподобно щепетильная, поразительно добросовестная и работоспособная. За двадцать лет совместной работы не было случая, чтоб мне пришлось дважды повторять свою просьбу.

Она жила по закону наших первопроходцев: «что такое нельзя, если надо». Как-то за день она отпечатала более ста страниц на машинке.

Работа, дом, где все надо было делать самой, своими руками, отнимали уйму времени и сил, но она ещё умудрялась постоянно и упорно заниматься самообразованием. В её обширной библиотеке были сочинения Достоевского и С. Булгакова, Скабичевского и Сенеки.

Зинаида Александровна Белова-Черкасова была одна. Но вокруг писательской организации было много деятельных, талантливых людей, беззаветно преданных литературе, одержимых творчеством.

Это были наши надежные, верные помощники, доброжелательные критики и советчики.

Это был живой, неиссякаемый, прозрачный родник, который подпитывал нашу энергию, раздувал наше вдохновение.

Это был наш тыл, наш всемогущий резерв, откуда в организацию вливались и вливались новые молодые таланты. И не только молодые. Резерв-то был все-

возрастной и многонациональный. Но состоял он из конкретных личностей, и обойти их молчанием, не назвав хоть некоторых – я не могу...

Зачем я тронул эту струну, поднял пласт памяти? Из него тут же вывалилась горластая, неугомонная, озорная ватага тех, кто всеми силами подпирал писательскую организацию, питал её живыми молодыми соками, помогая ей стремительно набирать всесоюзную высоту.

Если попытаться выстроить эту ватагу в одну длинную шеренгу, то на правом фланге, наверное, окажется Лазарь Вульфвич Полонский. Неувядаемый. Неугомонный. Неумимый Полонский. Улыбчивый и добродушный. Язвительный и царапучий. Добрый советник и помощник, сделавший очень много для пропаганды творчества региональных писателей, для возвышения авторитета областной писательской организации.

Ну, а левый фланг представляют два юных друга – Владимир Нечволода и Николай Денисов. Внешне они мало схожи. Владимир – круглолицый, яркогубый и по-детски наивный. Николай – приметно крепче телом и духом, с крутой мужицкой суровинкой в лице и прицельно цепким взглядом.

Позже оба окончили Литературный институт при СП СССР, стали профессиональными поэтами. Однако время показало, что талант Николая Денисова разносторонней и ядреней. Николай Васильевич проявил себя и как незаурядный прозаик, и как огненный публицист, и как отменный организатор литературного процесса: он много лет является главным редактором газеты-альманаха «Тюмень литературная». Это издание пользуется заслуженно широкой известностью не только в России, но и за её рубежами.

Между право- и левофланговыми полусотнями превосходных литераторов. О каждом из этой полусотни можно было бы рассказать много интересного, поучительного и забавного, смешного и грустного, но непременно оригинального, запоминающегося. Сделать это в статье невозможно. А простой перечень фамилий лишь утомит читателя. Потому из этой блистательной шеренги вырву несколько личностей, и коротко, очень коротко, представлю их...

Вот «поперешный», задиристый и ершистый поэт Владимир Фалей, которого «мама в капусте нашла», когда его «шлепали по попке лопухи». Решительный и отважный и в жизни, и в стихах, Володя обладал редким качеством притяжения, и вокруг него всегда кучковались жаждущие подвига и славы...

А вот рафинированный интеллигент, философ, тонкий изящный лирик Анатолий Кукарский. Однажды встретив на улице женщину, которая силой волокна на поводке упирающуюся, рвущуюся в кусты собаку, Анатолий заступил незнакомке путь. И так красочно, так взволнованно,

К. Я. Лагунов

так убедительно живописал страдания подмятого неволей вольнолюбивого веселого пса, что женщина отстегнула поводок, дав волю ошалелой от радости собаке...

Или вот комиссар нашей писательской организации – так заглазно называли мы своего бессменного парторга Виталия Клепикова. Критик и публицист, блистательный знаток современной литературы, Виталий был душой писательской молодёжи.

Во время подготовки к Всесоюзным дням советской литературы в Тюменской области Клепиков отвечал за выпуск серии небольших по объёму поэтических буклетов. На открытии очередных Дней подхожу к столу, где разложены эти буклеты. Перебираю их. Знакомые имена гостей и местных поэтов. Известные стихи. Вдруг натыкаюсь на неведомое имя-фамилию. Кто такой? Слыхом – не слыхал, видом – не видал. И товарищи на мой вопрос только плечами пожимают. Да руками разводят. В биографической справке значится, что автор стихов – северянин, да еще охотник. И в стихах – Север, охота. Дотошные столичные гости уцепились за стихи этого северянина: где он, покажите, представьте?!

Ларчик открылся просто. Клепиков придумал этого поэта, сочинил его биографию, и написал стихи для буклета...

Вот такие талантливые, озорные да смысленные были мужики в нашем литературном активе. Из него пришли в Союз писателей Зот Тоболкин и Геннадий Сазонов, Анатолий Васильев и Сергей Шумский, Станислав Мальцев и Юрий Надточий, Николай Смирнов и Андрей Тарханов, Маргарита Анисимкова и Раиса Лыкосова, и еще многие, ныне здравствующие и активно работающие – прозаики, поэты, публицисты.

(Статья написана в ноябре 1998 года)

Доброе слово укажет дорогу...

СТИХИ ПОЭТОВ ТЮМЕНСКОГО КРАЯ

Виктор Козлов

ОПОРА СТРАНЫ

На таких мужиках: простоватых,
Некрасивых, «чумных», рябоватых...
Чуть поддавшихся, заросших,
кудлатых...
В кирзачах, телогрейках, халатах...

На угрюмых, сноровистых, хватких,
На любителей правды несладкой...

Молчаливых, пытливых, смешливых,
Совестливых до рези в глазах,
На святых –
Пока держатся нивы
И заводы в больших городах!

г. Мегион

Михаил Абрамов

СОЗВЕЗДИЕ ПАМЯТИ

Поэту Н. Денисову

Вспоминаю я нынче заново,
Позабудется мне не вдруг
И Истошино, и Пегарино,
И Гагарино, и Кушлук.

Старорямово и Зарослое,
Окунёво и мой Укуз!
Нет, не зря наша встреча прошлая
Стала символом крепких уз.

Залы тихие, люди разные,
Но у всех – от стихов восторг.
Любит кровных поэтов Азия,
Знает русский чеканный слог.

Было лето несносно жаркое,
И встречался мой скромный стих
С полеводами и доярками,
И с рабочими в мастерских.

Голос мой то глухой,
то пламенный
По-земляцки тогда звучал.
Я – на зрелость сдавал экзамены,
На признание зачет сдавал!..

Есть у каждого в тайной памяти
Город, хутор или село...
При любой непроглядной замети
Вспомнишь – станет душе светло.

1993, Бердюжский район

Леонид Лапцуй

* * *

Доброе слово
Укажет дорогу,
Добрых людей
Созовёт на подмогу.
Доброе слово
Поднимет упавшего,
Научит добру,
Его прежде не знавшего.
Доброе слово
Мир не нарушит
И оживит даже мертвую душу.
Перевод с ненецкого Л. Гладкой

Юрий Басков

* * *

Полжизни – не смех, не потеха –
Прожить меж снегов и ветров...
Мой Север меня переехал
Катками стальных тракторов.

Я, как паралитик убогий,
Бежать никуда не могу:
Назад не найти мне дороги
В глубоком и рыхлом снегу.

В том городе, где пролетела
Вся юность,
Не стал я бывать.
Там снова глаза проглядела,
Меня ожидаючи, мать.

...Дождись меня, мама...
Лаская,
При встрече меня обними...
Но Север меня не пускает.
И это – навеки.
Пойми.

Владимир Волковец

* * *

Ночь стоит на полуслове, полумысли,
Как стихи, что я оставил дозревать.
Были строки полуночные да вышли
То ли в поле, то ли к речке погулять.
Сколько времени пропето и пропето,
Поразбросано, попробуй, расскажи...
В небе светит искра божия –

спасибо,
Не даёт терпеть ни подлости,
ни лжи.

г. Советский

Геннадий Сысолятин

* * *

Я писем жду, как белых лебедей
С моих озёр березового края:
Хоть там немного у меня друзей –
Там родина моя, а здесь – вторая.

Туда я уношусь душою всей,
Но здесь я рос,
здесь век свой доживаю,
Вблизи могилы матери, и знаю,
Как строг ко мне мой «отчим»
– Енисей.

Он – рыцарь Света. И перепоясал
Его мостами Абакан-Тайшет...
Мне на Ишим, домой,
возврата нет.

Я отдал годы и талант хакасам,
О чем не помышлял ни днем,
ни часом

Мой окунёвский,
мой кержацки дед.

Ноябрь, 2000 г.

Антонина Маркова

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЁ

О, град Тобольск, овеянный веками!
Здесь купола колдуют облаками,
Старинные скрипят ступени взвоза.
Как скрипка под смычком у виртуоза.
В стенах таится вечное молчанье,
А сквозь него, ты слышишь,
звон кандалный.

И пушки Ермаковского похода
Теперь стоят торжественно у входа.

1999, г. Тюмень

Валентин Законов

НЕБО

Распахнув зелёные объятия,
Зорями и росами полна,
В ситцевом в твоём
цветастом платье
В этот год пришла ко мне весна.

Солнечными брызгами расцвечен
Старый сад, открытый нынче мной,
За неделю вдруг расправил плечи.
Заклубился свежеею листвой.

Я захожу в сиреневое царство,
Рву букеты, небо наклоня,
Чтоб девчонке
в платье цветастом
Было легче понимать меня.

Бердюжский район

Андрей Тарханов

* * *

Спасибо, роца огневая,
Я прожил здесь четыре дня.
И даже нитка дождевая
Священной стала для меня.

Но, чувствуя, что мир сгорает
В своекорыстии и лжи,
Пою о хвойных ветках рая,
Обрел их нынче для души.

От кедрача медведь добрее,
Шлют глухари свои слова...
В столице путч.
Толпа балдеет.
В Россию зло несет Москва.
Август, 1991 г.

Анатолий Кукарский

* * *

Медовый запах солнечного бора
Плывет от свежих срубов
по утрам.

Как я люблю
мой строящийся город,
Открытый настежь
северным ветрам.

Не грустно мне,
Что брусом стали сосны:
Пусть сосняками пахнут города,
Когда все лето не заходит солнце.
Когда всю зиму стынет ночь,
Когда
Полярная звезда мерцанье сеет,
Над буровой навечно встав в зенит,
Я чувствую, я понимаю сердцем:
Через меня проходит ось земли!
Тепло лучите, окна, над снегами.
Так мне знакома ваша доброта.
Пусть праздничными пахнут
сосняками
Основанные мною города!
1978

Владимир Нечволода

* * *

Сосны в синеву врастают плотно.
А вблизи ватажек кедрача
Буровых прострелянные глотки
О работе молодо кричат,
О цветах, кострами опаленных,
О фонтанах, рвущихся в зенит,
О глубинах, грузных, притомленных,
Множенных на нефть и на гранит.
Слушать буровые не устану,
Чувствую ночами возле них,
Как посолонели здесь туманы
От рубах товарищей моих.
Так живем.
И, верно, много значим
Для веселых правнуков.

Скажи,
Разве можно нынче жить иначе?
Разве можно правильнее жить?!

70-е годы

Вера Худякова

* * *

И у дерева есть душа,
Только дерево петь не может
И кричать под пилую – тоже.
И у дерева есть душа.

Есть душа у цветов и трав.
Ты, срывая травинку, помни.
Как ей в это мгновенье больно.
Есть душа у цветов и трав.

И она вся растворена
В небесах и в пыли дорожной.
Оттого мне легко, тревожно –
В этом мире я не одна.

1994 Исетский район

Петр Суханов

* * *

Экономлю жизнь –
Летаю самолетами!..
И, порой,
Намаявшись вполне,
Радуюсь земле
Между полетами –
Будто бы люблю на стороне...
Вот она внизу –
Благонадежная!..
Вот она –
Обветренная вся,
Вечная,
Святая и безбожная,
Бесконечно милая земля!
Рвут турбины
Тучи мимолетные,
Крылья рассекают белый свет...
Экономлю жизнь –
Летаю самолетами!
А ведь дома есть велосипед.

1984, г. Сургут

Виталий Огородников**ПЛОХОЙ ПОЭТ**

Он Пегаса жалел. Он Пегаса любил,
Отгонял от него грациозных кобыл.

Обдувал опахалом в полуденный зной,
Прикрывал его зонтиком
в дождь проливной.

Притупил свои шпоры
и выбросил кнут,
Он любимцу создал и комфорт,
и уют.

Чтобы тот не ослаб, не зачах,
не простыл,

Он его и в ночное тогда не пустил.

От неведомых недругов он его спас.
Но однажды летать
разучился Пегас.

г. Тюмень

Нина Ющенко

* * *

А у нас идут снега,
Легкие и белые.
Завалили берега –
Что же вы наделали?
Осыпаются, летят...
Спрятали полсвета,
Словно не было у нас
Солнечного лета.
А у нас снега-снега
И метут метели.
Помнишь, в детстве
С белых гор
Мы с тобой летели?
А у нас идут снега...
Взрослые мы что ли?
Затихают голоса
Милые до боли.

1966

Евгений Вдовенко**ПУТЬ К ВЕРЕ**

Не уйду, добра не пожелав,
В путь не выйду на худых корытах,
И не сгину, как среди шалав,
Шалашами даже не покрытых.
Что срамно – оно всегда срамно,
Но и что от Бога – то от Бога.
Потому мне и не все равно,
Где и как лежит к Нему дорога.
2000 г.

«ЧУДНЫ СВЕТЫ»

Выступает писатель Иван Ермаков. Рассказывает. В зале то взрывы смеха, то жадная тишина. Студенческая аудитория ловит каждое слово...

Слово это то властвовало, то одаряло. А ермаковские интонации и паузы! Он был истинным рассказчиком. Редким.

Рассказы его завораживали. Где бы ни выступал писатель – в учебных заведениях, в заводских цехах, на фермах – везде его Слово было востребовано.

«На солнышко, – говорил, – я удивляюсь. Вот кто труды свои украшать умеет. «Зацвети!» – от каждой согретой выращенной былинки требует. – Зажгись!»

«Зажечь светом истины и красоты людские сердца – в этом призвание писателя», – был уверен Иван Михайлович. Эту уверенность он передал писателям и поэтам прекрасного родного нашего края – от моря Карского до казахских степей. По-отечески наставляя: «Реализм – основа. Пиши без туману. А недомолвками-загадками с пареньком на крыльце разговаривай».

Разумеется, – представить трудно, – я возражала. У «зеленой» первокурсницы литфака были свои правила и взгляды на поэзию. А Иван Михайлович смотрел лукаво, испытующе и подводил итог «разногласиям»: «Железная девочка». Это было время – конца 60-х начала 70-х годов – время дискуссий и споров, крепкого товарищества. Без зависти, корысти, без вражды. Время трудовых подвигов на севере и юге Тюменщины. Для писателей – интересные творческие командировки. Из каждой из них И.М. Ермаков привозил расцвеченный красками родной земли то очерк, то сказ-быль.

И все же...

Говорил: «Я вот хорохорюсь перед ребятышками, бренчу – нефть, газ, геолога восхваляю, а на душе кошки... Почему оно так получается: отечество одаряем, а край родной щиплем? Ежели ты истинный сын страны, то живи и трудись не за-ради ясной пуговки на мундире!»

Сам писатель от «ясных пуговок» чинов и званий был далек. Пустыми побрякушками казались они рядом с его Талантом – Божественным Даром Слова.

Иван Ермаков

Тюмень литературная

О ДРУЗЬЯХ – ТОВАРИЩАХ

Выросший в крестьянстве, совестливый, он не терпел подлости, чванства. В его груди билось сердце солдата, смелое, мужественное. Это свойство честности, бескомпромиссности, глубокой порядочности он пронес через Великую Отечественную. Через поля сражений. Он был из поколения отцов. Поколения Победителей. Не всё, наверное, было гладко в его земном бытие. Он часто повторял такие строчки:

Жора – кинохроник вовсе озверел:

Снял меня горелого, а не догорел.

Успокойся, Жора! – Жоре говорю. –

В завтрашней атаке обязательно сгуюрю.

Полные бесстрашия и иронии слова эти повторялись вслед за писателем, как своеобразный пароль отважных воинов, наших отцов, отстоявших жизнь на родной светлой земле.

Образ этой земли зримо встает из книг писателя: «...к самым деревенским огородам просторные березовые рощи подступают. Деревья по ним редкие, кудрявые... Как с благодатных островов доносят оттуда ветерки запахи земляники, цветов, натопленного солнцем горячего березового листа... Верст тридцать отсюда проедешь, начинается богатая, степная земля – Казахстан. Течет сквозь неё река Ишим... Ишим – он излучинами течет, вилушками. Местами такую петельку завернет, что десять верст по нему проплывешь – на сто метров вперед продвинешься. Чуть не сольется руслами: в одном рыба плеснет, в другом – рыбак вздрогнет. Берега такой петельки белоногое березовое озорство заселило... В кругу гектаров восемьсот пшеницы желтеется...»

В этих – родных – краях провел писатель не один десяток лет. Здесь и сейчас стоит его заброшенный домик. Одинокие тополя. Поседевшие их кроны клонятся в приветствии: «Милости просим, – шепчут, – собирайтесь, единитесь в памяти Сказителю русской сибирской земли. Пусть будет Вечная ему Память».

Единению, соборанию творческих сил тюменского края много способствовали первые большие наши писатели К. Лагунов, В. Николаев и, конечно, И.М. Ермаков. Его направляющее, тактичное влияние присутствовало всегда, пока он был жив. Вместе с К. Лагуновым он открывал молодым мир большой литературы. А большой литературе – тюменские имена. Он не давал затеряться и мне в деревенском житье-бытье. Приишимские просторы без горизонта, медлительный круговорот лета и зимы делали меня вполне относительно счастливой. Непривычной, чужой была столичная литературная суета. Иван Михайлович замечал: «Печататься надо, писателю нельзя без изданий. Рано или поздно, малыш, ты придешь к этому».

Когда я пришла у «этому», И. М. Ермакова уже не было.

В Тюменском отделении Союза писателей на стене его портрет. Умудренный взгляд. А в Приишимье, на малой родине писателя, звонкие голоса юных читают ермаковские сказы. Рассказывают: «...Чудны светы... изливаются».

Время Владимира Нечволоды

Он был Поэтом. В творчестве, в отношениях с людьми – во всей своей короткой, неповторимой судьбе. Открытый, искренний, великодушный. С божьей искрой в стихах и поступках. Он был сыном эпохи 60-х годов – юношески стремительным, отважным. Светло парил он над родной землей. Тюменский край – от юга до севера – был его родным домом, его мастерской, его любовью. Патриотизм – сыновнее чувство к Родине – большой и малой – было неподдельным у него.

Родился Владимир Алексеевич Нечволода в 1945 году, в семье офицера, политработника. Военная кочевая судьба: Камчатка, Прибалтика, Украина, Урал, Сибирь. Школу рабочей молодежи – были в прошлом веке такие – закончил в городе Ишиме. В Ишиме прошла его юность. Отсюда заявил он о себе, как поэт. Навсегда привяжет судьба его к этому городу.

Тих патриархальный Ишим. Азиатская, дремотная тишина в его переулках. И тайна. В потемневших старинных домах слышится её дыхание. В кружевах карнизов и наличников кружатся то солнечные блики, то снегопады.

Помнится ясный день. По тротуару под раскидистыми, тронутыми сентябрем кленами, идет Владимир Нечволода. Строгие

стрелки брюк, черная рубашка с открытым воротом – это модно и стильно – выделяют его среди прохожих. Но вовсе не одежда выделяет Поэта. Он не идет – парит. Над улицей, прохожими, нам миром. Он весь – одухотворение.

В мире, ожиданья полною,
Я под солнцем, как подсолнух –
Посмотрите он каков!
В холода, дожди и ветры
Только к свету, к свету, к свету
Все ладошки лепестков!

Ишим – его пристань, надежный причал. Здесь его родные, отец, мать, домашний уют.

Но везде он торопится успеть. На Севере он ходил рулевым на пароходе, притянувшим баржу с первой тюменской нефтью на Омский нефтеперерабатывающий завод. Работает в газете, на радио. Много пишет, печатается. Восхищение миром, созидательной молодой силой людей наполняли стихи Нечволоды, как ветром парус. Его лирический герой отважен и упрям, верен дружбе и товариществу, всегда по-русски широк душой.

И в жизни Владимир Нечволода был распахнут навстречу людям, друзьям, любви. Он всегда что-то организовывал, хлопотал, преподносил сюрпризы. Среди сибирской зимы мог вдруг раздобыть живые цветы, редкость в ту пору, преподнести имениннице, к примеру. Озарить товарищей своих искренностью. Появлялся Нечволода. И начинали звучать стихи.

В Ишиме – в период 60-х – 70-х годов – жили и работали многие замечательные литераторы – поэты, прозаики, очеркисты, критики. Среди них: Георгий Первышин, Геннадий Рябко, Николай Денисов, Константин Яковлев, Валентин Законов, Петр Белов, Павел Машканцев, Геннадий Калабин. В пединституте преподавали К.А. Субботина, Г.И. Дербенев – талантливые литературоведы. Из Тюмени часто наведывались писатели Иван Ермаков, Людмила Славолюбова, знаменитый в ту пору Владимир Фалей, чья песня «Нефтяные короли» звучала широко по стране. Присылал свои книги, а то и сам приезжал Александр Плотников, бывший ишимец, прозаик, морской офицер. О каждом можно писать отдельный очерк или статью. Словом, в городе в ту пору, в литературном объединении при газете «Ишимская правда» сложилась богатая и интересная, а теперь уж видится, и неповторимая литературная среда. Здесь любили Слово. И слово было Бог.

Нечволода уверенно шел в большую литературу. Окончил Литературный институт в Москве. Издавал сборники стихов. Много ездил, особенно любил Тюменский север, где мощно звучало созидательное время.

К концу 70-х Владимир Нечволода уже признанный поэт. В стихах появляются философские раздумья о жизни. И грусть: уходит его молодость и Время, наполненное героикой трудовых будней.

Нынче встану опять на заре
И в работу иду молчаливо.
Мне не страшно сейчас умереть,
Потому что умру я счастливым.

Однако эстетика смерти была чужда Владимиру Нечволоде, его оптимистичному мироощущению. Он по-прежнему жизнелюбив и полон творческих планов...

К свету, в неоглядную высь взлетело однажды и сердце Поэта, оставив на земле воспетое им время.

Пройдя время и земли

Стихи Николая Денисова зазвучали в середине 60-х годов. В ту пору – послушать стихи! – рабочие и студенческие аудитории набивались до отказа. Живое слово поэта было востребовано временем. На Тюменщине проводились недели поэзии, а в начале 70-х – пять лет подряд – и Всесоюзные Дни литературы. Со всех краев необъятной нашей Родины, из дружественных зарубежных стран съезжались к нам писатели. Мастера слова. Нас, молодых тюменских стихотворцев, также задействовали в этих мероприятиях крупного масштаба. И над всем – парил дух Поэзии. Читатель и Писатель были рядом. Всем хватало места под Солнцем.

На могучей Оби, на Иртыше, в юных «нефтяных городах», в таежных поселках, в ямальской тундре, в лесостепных весях юга области кипела работа – шло становление мощного нефтегазо-

вого комплекса Советского Союза. Тогда – в кипучей буче – шло и развитие литературы в нашем крае. Создавал злободневные романы Константин Лагунов, северные очерки, рассказы писали Геннадий Сазонов, Людмила Славолюбова, Евгений Шерман. Мужественно работал, прикованный к инвалидному креслу, Иван Стомин. Звучали стихи и поэмы Владимира Нечволоды, Галины Слинкиной, Аллы Кузнецовой, Микуля Шульгина, Андрея Тарханова, возвысился самобытный голос Ювана Шесталова. Творил бессмертные сказы Иван Ермаков; в театрах страны шли пьесы Зота Тоболкина.

В гущу дел, открытый вошел со своими «деревенскими» стихами и Николай Денисов, обновив их «темой севера». Поездки «на севера» стали обычными для Н. Денисова. Время требовало от поэта – быть на острие событий. Но стихи о малой родине по-прежнему не отпускали:

В родных полях, где мир и тишина,
Где даже гром грохочет с неохотой,
Легит моя крестьянская страна
Со всей своей нелегкою заботой.

Лирический герой его стихов не произносит клятвы верности родной земле. Они не нужны, ибо сердце поэта само источник сыновней нежности и преданности:

Спит деревня, ветер ладит вожжи.
Лишь едва доносится до слуха,
Как луна плывет по бездорожью,
И скрипит уключина глухо.

На встречах с читателями, – сколько их было, не счесть! – и в узком кругу друзей-поэтов Денисова просили: «Давай, Коля, про деревню!»

Работа над словом была и остается для Н. Денисова систематическим и первостепенным занятием. Он учится в Литинституте, шлифует грани строк и строф, придавая им неповторимость. Ту, что делает стихотворца Мастером. Гармонии стиха, единству формы и содержания поэт придает исключительное значение.

«Своеобразной поэтической Меккой, – вспоминает Николай Васильевич, – был для нас, начинающих поэтов, то есть для меня, Володи Нечволоды, Нины Ющенко и других, город Ишим, плодотворное, дружное литобъединение при газете «Ишимская правда».

На улочках Ишима гулял ветер лесостепей, носился сказочный образ ершовского «Конька-Горбунка», звучала поэзия ушедших веков. То падал беззвучный снег, то жарко светило ласковое солнышко. Именно здесь, в среде литераторов, ставших потом профессиональными в разных уголках страны, формировались художественные пристрастия поэта, его творческое кредо: слушать Истине и Красоте.

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей,
Может быть, красота лишь спасает поэта.

И влечет этот образ прекрасного мира – за пределы малой родины. Романтическая душа жаждет новых открытий, мужества, приключений. Упорно добивается он от властей – кругосветного плавания. «Хождение за три моря» на судах торгового флота для Николая Денисова – матросом, корабельным коком, механиком – получилось неоднократным. В сборнике избранных стихов и поэм «Заветная страна», удостоенного в 2002 году Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, есть стихотворный раздел «Полмира за бортом».

Неведомые страны и континенты, яркие встречи, штормы и циклоны несут массу впечатлений и поэтических образов. Но и ярче оттеняют главное в лирике поэта – высокое чувство патриотизма.

Все дальше уносят меня бригантину –
В заморские страны, а в мыслях я там,
Где белая вьюга гудит до рассвета,
Где тихо мерцает селенье одно.
Где столько тепла и живого привета,
Что, вроде бы, лучше и быть не должно...

Открыв однажды для себя свою заветную страну, Николай Денисов, пройдя время и земли, остаётся верен ей. Имя этой страны – Родина, Россия, Тюменский край.

НИНА ЮЩЕНКО,
г. Ишим.

Вопрос от редакции «ТЛ»: Союз писателей, что он значит для Вас, профессионального литератора, – в судьбе, в творчестве?

СВОБОДА И ВОЛЯ

Юрий Надточий, член СП СССР с 1984 года:

Начал я писать в ответ на этот вопрос очень длинный трактат, да и отложил. Когда сообразил, что писание такое может занять не один месяц, если – не один год. А отвечать надо сразу и немедленно.

И отвечаю, что молодость – это для меня и СП СССР (позднее СП РФ) и членство в нем.

А о молодости, один не член СП, Александр Пушкин, сказал однажды: «Красивым не был, а молодым был».

А молодость, любая, со временем всё равно хорошо вспоминается.

Вдобавок, где-то уже на исходе молодости, мне здорово повезло. После разнообразнейших мотаний по стране, к тому же, я и родился в кочевой офицерской семье, добрал я до Сибири, до Тюменской области. Жил и работал сначала на Ямале, на самом полуострове, на русском языке называемом – край земли. После чего навсегда осел в Тобольске, а это уже – центр. Сибирский исторический, духовный, культурный.

А зачем в Сибирь, начиная с XVI-го века, русские мужики устремлялись. Да за свободой.

Не буду говорить за весь Союз писателей СССР, в целом за СССР – тоже, а вот Тюменская область, уж точно, в те молодые годы была самой свободной территорией нашего не слишком свободного государства.

И Тюменское отделение Союза писателей РСФСР, естественно, входившее в структуру СП СССР, по духу – выделось самым свободным среди иных, известных мне, областных писательских организаций.

Свободным, потому что – работоспособным, увлеченным. Происходившими в области делами, и – организованным. В первую очередь – организованным нашим писательским руководителем Константином Яковлевичем Лагуновым.

Развал Союза писателей СССР, лично для меня, увиделся куда задолго до официального упразднения объединяющего творческие индивидуальности Союза. Здесь, в Тюмени, когда тюменские члены СП СССР «демократическим» большинством решили сместить основоположника областной организации СП К.Я. Лагунова. Сместили. Такова была воля большинства. А наша родненькая отечественная воля, как умом ни раскидывай, всегда – бунт. Без А.С. Пушкина опять не обойтись, что-то там у него имеется, если не насчет беспощадности, так уж точно, бессмысленности.

Впоследствии, когда СП СССР, начиная с «центра», по соображениям различным, также и амбициозным и меркантильным, вдруг поделили на несколько разнонаправленных, не столько творческих, сколько идеологических структур, то на так называемых «окраинах» такая разделенность была совсем не обязательна для подражания. К нашему сибирскому Тюменскому региону это относится в наибольшей степени. В России изменилось многое, не меняется лишь значение для неё Сибири, нашего Тюменского региона. Вернее, это значение только растёт. Чтобы находиться на таком постоянно возрастающем уровне, Бог весть, в каких форматах, а придется нам, местным литературным, ныне разобценным, жителям, если не устраивать общий лад, но все равно ближе сходиться. И в этом причина обращения к воспоминаниям о едином СП СССР, нашем членстве в этой уникальной структуре. И находясь в СП СССР, мы были очень разными, потом лишь обостренно осознали, что тот Союз был у нас один. И сейчас Россия у нас одна, и Сибирь, и Тюменская область. И продолжающаяся отечественная история – тоже.

г. Тобольск.

Станислав Золотцев,
член СП СССР с 1975 года.

СВЕРСТНИКАМ

*Печальная осень пришла к моему поколению,
Сиротская осень безмерных и горьких потерь...
Наш путь по болотам, по рывтинам и по камням
Привел к бездорожью и потом кровавым вспотел.*

*А как начинали мы! – весело, лихо и жадно,
И как же старались мы жизнь повернуть на добро.
Как славно пахали. Как сеяли!.. Но – вместо жатвы
Нагрянула Смута, какой не бывало давно.*

*Наивные люди! Мы ждали свободу печати
И прочих свобод от засилья партийных князей,
И вот получили сегодня свободу печали,
Свободу скорбеть на могилах погибших друзей,
Свободу подохнуть от голода или от пули,
Свободу смотреть, как твоё погибает дитя...
Какими свободами наглухо рот нам заткнули,
В купели страданий огнём БТРов крестя!*

*А как мы хотели страну излечить от недугов.
Чтоб гордую мощь с головы не сгубило гнильё!
Но как же умело нас всех разделили друг с другом
В огромной державе. И мы потеряли её.
Мы сами, мы сами повинны в её разрушенье.
Мы терпим, что в сердце России на троне – Чума!
Позорная осень пришла к моему поколению.
Жестокая осень. Какою-то будет зима?..*

1998

70-е годы. Всесоюзные Дни литературы в Тюменской области. Тобольский театр-теремок. (Сожжен в годы «перестройки»).

«И ВСЕ-ТАКИ – НУЖЕН!..»

Борис Комаров, член СП России с 1995 года:

Что для меня Союз писателей? Зачем он? Ответить на вопросы и просто, и сложно. Сначала попробую просто.

Союз – незримый коллектив, захваченный в полон одним делом и беззаветно преданный ему. Отдушина, живой огонек, которого так не хватает в рутине дня. Люди одного нутра, одной боли. Их вера в нужность писательского труда подвигает не почитать на достигнутом, а спешить к новому и новому знанию, к новому читателю. Ведь искусства смягчают нравы. Да-да! Сдохну я без Союза, без того бурлящего единства. Нуль я!

А теперь поостыну да призадумаясь. Уместен ли мой пафос? Есть ли то «бурлящее единство» в натуре? Труд-то пишущего индивидуален. И чем выше индивидуальность, тем интереснее он читателю. И никто ему не советчик. Нет, рядом бушует мир, на столе книги великих предков и даровитых современников, но все это надо постигать и постигать, и глазом не праздно обывателя, а исследователя. Нужно время. Много времени. Того, которые нынче смертные тратят на создание собственного благополучия. Да и качество писательского труда категория временная. Годы и годы требуются для написания Произведения. Творения, так сказать! И оттого писатель нищ. Нищ потому, что в сутках двадцать четыре часа и ни часом больше! И нищ при любом режиме. Он ведь, собака такая, в силу остроты зрения, видит изъяны людского обустройства и, хочет – не хочет, вступает в конфликт с властью имущими.

А если какому труженику пера и жилось когда-то неплохо, (а может, живется и сейчас), то не было, зная, в нем нравственной крупноты, зоркости, присущей великим Учителям. О духовной неопрятности преуспевающих борзописцев говорил недавно Владимир Войнович, ис-

ключенный из Союза писателей СССР в 1974 году за сатиру на советскую действительность. Прав он, автор похождения солдата Чонкина, трижды прав.

Вот ведь какая катавасия, какой раздрай наступает в моей голове, когда принимаюсь всерьез думать о значении, никак не влияющего на писательскую единицу, Союза писателей России.

И опять я думаю, думаю... А, может, ошибаюсь? Может, было время, когда писатель чувствовал нужность обществу не только душой, но и карманом? Ведь нет-нет да и раздаются в писательской среде голоса о прекрасной жизни, совсем недавно канувшей в лету. Нет-нет да и родится очередная ода социалистическому времени. Хотя время то отстукивало на наших глазах и такого наступало бедлама, что хоть за голову хватайся. Потому и

рухнуло: не выдержал человек испытанья властью. Нету больше СССР.

Так что же, господа жалельщики «золотого времени», так бездарно распорядились вы им? Чего не держались за него обеими руками, не совали подпорок – идей под его дряхлеющие бока, не латали, стройную на первый взгляд, идеологию равенства, а спешили одеть малых, но личных благ, натянуть поплотнее на себя?

Это о трезвой части Союза писателей. Об остальных говорить еще горше.

Помню, хорошо помню ежегодные наши семинары-собрания (в конце 80-х, в 90-е годы). С попустительства, а скорей всего с одобрения ответственного секретаря, часть членов Союза уединялась в дальней комнатухе Дома писателей и начиналась пьянка. Дрянь и мерзость, которую наблюдали молодые

литераторы, приехавшие на семинар поучиться литературному мастерству у старших. (Кстати, самые даровитые писатели-то напивались. Как бы – элита-с!)

Семинар кончался и начиналась еще большая бестолковщина – отчетно-выборное или иное собрание. Какое ответственное дело можно РЕШАТЬ на больную голову: когда едва ль не половина присутствующих в таком состоянии?!

Вот так и не заметили, как рухнул социализм, умер прежний СП СССР. Потом чуть было не приказал долго жить и Союз писателей России – в нашем Тюменском регионе. Благо, оказался во главе нашего отделения недавно человек не совсем ординарный, благо. Писатель, так сказать, наотличку – Николай Денисов. Как в старое время наособицу он был таким, слава Богу, и сейчас остался. Пытается хоть что-то делать при новых реалиях, не опускает руки, как предшественники. Вот и семинар молодых в этом году провели, несколько собраний – обсудили новые книги, приняли в СП «созревших» коллег из молодых. Сейчас много хлопот по проведению юбилея областной организации СП. Пусть её имя звучит громче, пусть! Хоть кого-то, глядишь, и зацепит за живое своей энергетикой, светом. Ведь, повторяю, искусства смягчают нравы!

Так нужен ли мне Союз писателей? Вот спотыкач какой... Как любовь к Родине, к месту, где родился... Приезжаешь в деревню, а там дождь, грязь. И люди тебя подзабыли. Иные уж мысли у стареньких соседей. Разговоры-то лишь о болезнях... Зря приехал!

А вернешься в Тюмень: месяц, другой и начинается – съездить бы опять в свою деревушку! Такое вот сложное чувство – любовь к Родине. То же самое и с Союзом писателей... Нужен ли он?

Выходит, нужен! Куда я без него, без частицы-то своей?

г. Тюмень

Николай ДЕНИСОВ, член СП СССР с 1975 года

УШЕДШИМ ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ

*Очень неправильно вы поступили, ребята. –
Рано легли на погостах под зябкие кроны.
Бренную плоть поглотил крематорий заката.
Души спаслись?! Но и тут покушались вороны.*

*Пусто без вас мне.
Луна будто высохший череп.
Глянешь на звезды: что тлѐю капуста побита.
С кем перемолвиться? Всюду базарная челядь,
Жалкие лики и – ни одного индивида.*

*Ладно еще – остается небесная тема,
Только и здесь ненадежный приют для поэта.
Долго сияла в пути нам звезда Вифлеема.
Жданки прошли. А второго пришествия нету!*

*Столь ведь соборов, церквей – неужель для престижу?
Прочная кладка, ворота из лучшего бруса!
Все уж глаза проглядел, но и знака не вижу:
Где Он, Спаситель – походка и нимб Иисуса?!*

*В сад Гефсиманский бреду, как ужаленный током.
Чей там галдеж за ночными оливами сада?
Мир обожгу утомленным «всевидящим оком» –
Крест и Голгофу, умытые рука Пилата.*

*Дальше – провал... И – пещера с приметами штрека.
Эй, мужики! Но в ответ только скрежет железный.
Тут и найдет нас субъект двадцать первого века, –
Злой фарисей иль все тот же архангел небесный?..*

2001

МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ

Отрывок из романа

*«Черный ворон,
черный ворон, черный ворон
Переехал*

твою маленькую жизнь».

(Из дворовой песни)

Когда в один из мартовских дней, спустя два часа после выхода колонны вальщиков в лесосеку, расконвойный Миронов-Колонтаец покинул территорию нижнего склада с грузом деталей бензопил нарточкой на буксире, вертухаи на него не обратили внимания: привыкли — он иногда подвозил в лесосеку из ремонта и пилы и пыльные цепи. Пять километров — не так уж и далеко. А из безлюдной тайги зимой куда не денешься, как из-за колючки. Вот и расслабились охранники — упустили. Не успела зона нижнего склада скрыться за деревьями, как Миронов свернул с главной дороги на один из заброшенных усов, чтобы там из прихваченных деталей собрать мотосанки. Времени у него было достаточно: хватятся расконвойного не раньше, чем через три часа, а за это время мотонарты далеко убегут. Поэтому Миронов не торопился и собирал свое изобретение основательно. Пара рынков стартером — и отлаженные загодя моторы заревели как небольшой самолет. Впрочем, их шум ничьему вниманию не интересен: бензопилы по всей тайге гудят. Колонтаец сел на нарточку верхом, как на коня, поставил ноги на боковые лыжи-полозья и двинул рычажок управления газом сначала одного, потом второго двигателя. Автоматическое сцепление включилось, ремни пришли в движение и из-под грунтозацепов полетел снег — нарта пошла вперед, постепенно набирая скорость по накатанной дороге.

По расчетам Колонтайца, до избушки вздымщиков он должен был дотерпеть и по пути не превратиться в ледышку. К ней, вожденной избушке, в глубину тайги и в сторону от дорог автомобильных, железных, проселочных, вдаль от всяческого жилья и стремился сейчас снегоход Колонтайца. Зимой, до сезона, в избушке никого не должно быть, и Колонтаец рас-

считывал в ней отсидеться. Из собственного опыта, он знал, что найдет в избушке небольшие припасы, а может, и одежкой удастся разжиться и еще чем-нибудь, что поможет дотянуть до весны. Вздымщики — народ припасливый.

Вздымщик Костя Жуков в очередной раз бился над дилеммой: то ли ему сварить на ужин «борщ украинский овощной с говядиной и смальцем» или разогреть на сковородке «бобы соевые с томатом и смальцем». Причем особой разницы для него не было: если сегодня борщ украинский, то завтра — бобы соевые и наоборот, поскольку другого выбора ОРС леспрома, снабжавший продуктами рабочих Химлесхоза, попросту не предоставил. Были в наличии на складах консервированные в стеклянных банках борщ и бобы — их и отгрузили, чтобы не гнать транспорт порожняком и заодно отчитаться перед ЛесУРСом о выполнении плана поставок в тоннах и рублях. А за ассортимент никто не спрашивает, как будто рабочие сибирских химлесхозов особо пристрастны именно к украинским консервам «со смальцем», который при всем желании его отыскать, никак в них не обнаруживался, вероятно из-за очень высокой его испаряемости. Так или иначе, оба эти продукта за долгую зиму Жукову настолько обрыдли, что он как раз бился над альтернативой: а не отложить ли ужин вообще на завтра, а сегодня ограничиться чаем с сахаром и «долгоиграющими» глазированными пряниками, которые, от долгого хранения на складах, обрели жесткость твердого сплава и вследствие этого способствовали самосохранению. И чай, и сахар, и даже крупы у Кости имелись, да вот беда, готовить он не любил даже для себя и даже под угрозой голода. Из-за чего у него не раз возникали тяжелые конфликты с напарником Гошей, который готовить хорошо умел, но соглашался стряпать только в порядке очередности. Костину же стряпню Гоша не воспринимал, способности его отрицал и всячески хулил, чем вызывал у Кости волну стойкого раздражения. Впрочем, раздражение было вполне обоюдным, как это часто бывает с несовместимыми натурами в ограниченном пространстве. Из-за этой особенности таежного бытия, опытные охотники-промысловики предпочитают зимовье в одиночку или в большой ватаге, но ни в коем случае не вдвоем. Вследствие психологической несовместимости, на зимовьях не раз трагедии случались. Однако, химлесхозу до совместности характеров дела мало. Прислали тебе напарника — с ним и работай. Сбежит — не велика важность, пришлют другого. Хотя заработок высокий и желающих на него много, но труд и быт тяжелые, а оттого и текучесть большая, только успевай запоминать в лицо — кто и откуда.

Месяц назад, после жестокой драки с Костей, Гоша стал на лыжи, ушел в тайгу, ничего не сказав, и с тех пор как в воду канул. Поиски, предпринятые Костей, не привели к успеху, и Жуков постепенно утвердился в мысли, что Гоша вернулся к бродяжничеству, которым занимался до химлесхоза. Или, говоря его языком, «слинял налево». Судьба Гоши нимало не беспокоила Жукова: черт с ним, с бродягой. Беспокоило другое: как он будет объяснять в конторе бесследную пропажу напарника. Начнут разбирательство, а то и следствие, чего Жукову ну уж никак не хотелось. Со следователями ему уже довелось столкнуться — едва ноги унес. Оттого и в химлесхоз попал: не для того, чтобы стать вздымщиком-отшельником, а в поисках места подальше от всякого рода властей. А если разобраться толком, то за свою недлинную жизнь Костя Жуков Советской власти никакого вреда не сделал и закона не переступал. И если совершал какие проступки, то по незнанию, молодости и беззаветной любви к технике, которые обернулись к нему неожиданным боком.

Родился Костя в поселке при лесничестве, кроме леса ничего не видел, не знал и не искал. Все окружающие кормились дарами леса, работали в лесу и для него жили. Когда пришла пора демобилизованному танкисту Жукову идти работать, он не нашел ничего лучшего кроме близлежащего лесоучастка казахского леспрома «Карагандинский», который заготавливал для шахт Караганды рудничную стойку. Тонкомерная древесина, выделенного им лесного массива, для рудостойки прекрасно подходила, превосходно пилилась и поэтому в назначенное время окончилась. Приезжие вербованные вальщики и механизаторы перебазировались вслед за леспромом в Восточную Сибирь или вернулись в Казахстан, а местные сучкорубы и чокеровщики остались дожидать в брошенном всеми на произвол судьбы временном поселке с условным названием «Караганда». Его население кое-как кормилось от личного хозяйства, дарами леса и заготовкой дров и метел для города.

Костя некоторое время после закрытия лесоучастка пытался пристроиться на работу в близлежащие колхозы, но там чужакам платили так мало, что свои попытки он вскоре оставил, чтобы окончательно осесть в Караганде. Там бы он до старости и прозябал, не случись в лесу неожиданной находки. Однажды, скитаясь по лесу в поисках тетеревиного тока, на оставленной лесоучастком лесосеке, Костя обнаружил сразу два заброшенных трелевочных трактора устаревшей модели ТДТ-40. За несколько лет одиночества, машины покрылись слоем пожухлой листвы и

обросли молодой порослью. Сползшая гусеница у одного и полуразобранный мотор у другого подавали повод для догадок по поводу их преждевременного сиротства. Видимо, лесозаготовители при переезде к месту новой дислокации решили, что трактора проще и дешевле списать и бросить, чем заниматься их ремонтом и транспортировкой. Тем более, что на Урале железа много и тракторов для Казахстана из него сколько угодно наделают: такова национальная политика партии. Сжалился над осиротевшей техникой Костя Жуков и задумал оживить покойничков, или хотя бы одного из двух. Одному натянуть гусеницу непростое и тяжелое дело. Еще труднее заменить размороженный блок цилиндров, с непривычки и без навыков отрегулировать подачу топлива и его своевременный вспрыск. Выручала природная наблюдательность, учебники и приятели.

«Дурак, ты, дурак, — просвещал Костю бывший ударник пятилетки, бывший лагерник, а в настоящем инвалид труда и добровольный помощник в ремонте, Леха Люхнин. — Сам себе дело шьешь. Присвоение социалистической собственности, это, брат, не шуточки и карается статьей 92 Уголовного Кодекса. Если без отягчающих обстоятельств — то до четырех лет лишения свободы можешь схлопотать. А с отягчающими — и все семь и даже с конфискацией имущества. Это уж как суд рассмотрит и решит. Но раз у тебя из имущества — одни штаны и то рваные, то и еще хуже. Трактор — вещь не маленькая — значит квалифицируют как присвоение в особо крупных размерах — вплоть до пятнадцати лет можно схлопотать. Я, думаю, тебе пятнадцать годиков светит. Потому, что до тебя в этой стране никто трактор присвоить не додумался. Показательный будет процесс — не жди пощады. Зато на весь Союз прославишься».

Жуков Лехе не верил и упирался: «Я же не для себя стараюсь, а для всего поселка, чтобы было на чем дрова и сено возить. Пахать тоже можно. И кому плохо будет, если мы из металлолома трактор восстановим? Одно добро». Но Люхнин с его доводами не соглашался. «За добрые дела на этап идут. Ими все лагеря наполнены. Люди, особенно начальники, добра не понимают, запомни это и остерегись им добро делать. Оно тебе же злом обернется».

Так они спорили, но дело делали и ремонт подвигался. Все преодолел Костя в азарте: дневал и ночевал в лесу, работал впроголодь, сбил в кровь руки и насквозь пропитался соляжкой. Однако недаром говорят: помучишься — научишься. Зато какова оказалась его радость, когда трелевочник наконец пустил густой чад мотором и загромыхал на весь лес выхлопом! Наполовину полные баки гарантировали свободу передвижения и возможность тренировок в вождении в этой же лесосеке, пустынной и потому безопасной.

Когда самозванный тракторист чёртом въехал в поселок, он этим особенно никого из жителей не удивил: одни уже знали о его затее, другие помнили, что в лесу догнивают, еще вполне годные трактора и

другая техника карагандинцев. Ну приехал и приехал — что в этом такого. Хорошо, что мотор запустить сумел: будет теперь на чем и дров и сена на зиму привезти, не надо идти в сельсовет кланяться. Так и пошло. Заглушил Костя трактор возле окон своего барака и время от времени стал на нем потихоньку, по заказам и на радость земляков, подрабатывать на хлеб с изюмом. И до сих пор бы работал на своем тракторе, не подвернись ему большой заказ от сельсовета. Не жадность фраера сгубила, а неопытность: не знал еще тогда, что с Советской властью связка плохая. А то бы держался от нее подальше. Но, что случилось — то случилось.

Однажды бурной весной не в меру разлилась ближняя речушка Чебаковка и, как щепку, снесла пересекавший ее поток ветхий мосток на дороге в Караганду. Остались жители без хлеба и свежих новостей. Летом, когда грозная Чебаковка снова превратилась в жиденький ручеек, сельсовет взялся за исправление моста, и для подвоза стройматериалов, нанял Жукова вместе с трактором. Жуков добросовестно отработал на стройке чуть не месяц, а когда дошло дело до расчета, то не тут-то было: сельсовет отказал. На том основании, что Жуков, для извлечения личных нетрудовых доходов использовал государственные трактор. И напрасно Жуков доказывал, что трактор ничей, что он его ремонтировал (тоже пока бесплатно), и что зарплату за работу на стройке должен получить он, как тракторист, а не его трактор. Однако председатель сельсовета помнил о пустой сельсоветской кассе, а потому уперся и отказал: «Я на сговор с тобой не пойду и отвечать за тебя не хочу. Вы будете государственную технику присваивать, а я вас должен покрывать и еще за это же деньги выплачивать. Не бывать этому. Ступай, парень, пока на свободе», — пригрозил председатель. На эти слова Жуков вспылал, дерзко плюнул на землю и посоветовал председателю подавиться его, Жукова, зажатой зарплатой.

Дело было при многочисленных свидетелях и председатель Жукову дерзости против его власти не спустил: тут же позвонил в милицию и просигнализировал об украденном тракторе и извлечении с его помощью нетрудовых доходов. Потом, конечно, об этом своем звонке пожалел, но когда слово вылетело, его уже не поймаешь. Для разбирательства приехал участковый и взял Костю в оборот. Участковый Сивов был не из местных, молодой, неопытный и потому хотел выслужиться, чтобы заработать одобрение начальства и перевод в райцентр, поближе к клубу и танцплощадке. Следовательно, никакого снисхождения Константину ожидать не приходилось. Так ему и сказали соседи по бараку, мужики бывалые, смолodu оттянувшие каждый свой срок на лесоповале, да так на нем и оставшиеся, теперь уже до конца жизни. Вечерком на лавочке, смолла самокрутки, бывшие жиганы Костину проблему сообща обсудили и построили диспозицию его дальнейшего поведения и стратегию показаний. Мнения высказывались разные, но в одном сходились: сухари

Жукову сушить уже пора. И утешали: мол, не беда: раньше съедет — раньше выйдет. С кем вокруг не бывало? Но самому себе клетку строить не следует. В тюрьме никакой романтики, а только тоска и мерзость. И потому ее следует попытаться избежать... Костя слушал и на ус мотал.

Когда на первом же допросе участковый потребовал у Жукова документы, тот, не задумываясь, полез в карман и достал из него пачку бумажек и корочек, среди которых выбрал для предъявления охотничий и профсоюзный билеты, удостоверение о сдаче техминимума по технике безопасности и свидетельство о рождении. «Вот все, что есть», — с гордостью протянул он корочки Сивову. «Ты мне дурака не валяй! — грозно сдвинул брови участковый. — Паспорт где?» — «Нет у паспорта, выпал наверное, — огорчился Жуков и стал интенсивно шарить по карманам. В своем рвении он даже разулся, но ни в сапогах, ни в портянках паспорта не оказалось. — Значит выпал, — убежденно подтвердил Жуков, — когда я на очко в уборной сел, он туда и выпал. Я слышал, как сбулькало, но думал, что глина осыпается. Она всегда там осыпается, как бы самому не упасть». «Врешь ты все! — прервал его Сивов. — Пойдем, покажешь где обронил», — Жуков покорно согласился.

В яме общей уборной, что возле барака, где проживал Жуков, желтела зловонная жижа, плавала пустая бутылка, но паспорт не просматривался. «И что теперь будем делать? — со злостью спросил участковый. — Как жить будем?» «Плохо без паспорта проживем, — доверчиво сообщил Жуков. — В лесу паспорт не нужен. А потом — может, сам отыщется, может, новый получишь». — «Ты у меня получишь! — зловеще пообещал Сивов. — Срок получишь, а не паспорт. У тебя его изъять должен, а что теперь изымать будешь?» — «Изымай, что имеется, — посоветовал Жуков. — Профсоюзный билет возьми — он с фотокарточкой и в нем все марки наклеены за прошлый год. Удостоверение по технике безопасности — что я могу с тракторами работать. А охотничий билет мне оставь».

Однако участковый забрал и профсоюзный и охотничий билеты и дополнительно составил протокол опознания Жукова соседями. Соседи личность Жукова удостоверяли, после чего Сивов их отпустил и приступил к его первому допросу. Вопреки ожиданиям участкового, ожидаемого и нужного результата допрос не принес. Уже больно ушлым оказался подозреваемый, будто его кто-то к допросу специально готовил.

После уточнения личности, полагалось задать вопрос о месте работы. На него Жуков ответил не моргнув глазом: «Карагандинский леспромхоз в Т-ой области».

Участковый ответ в протокол занес, но в его точности усомнился и потребовал объяснений, как это может быть, если леспромхоз переехал и кем это работает в нем подозреваемый. Жуков пояснил, что леспромхоз переехал, этого никто не отрицает, но Жуков из него не уволился и не получил трудовой книжки, а продолжает работать сторожем на верхнем складе, где

осталось много не вывезенной древесины и раскомплектованной техники.

Своим заявлением Жуков поставил Сивова в тупик: развеивалось как летний дым подозрение в тунеядстве и нетрудовых доходах. Если, конечно, его объяснение подтвердится. Поэтому, естественно, последовал вопрос, чем подозреваемый может подтвердить сказанное. Жуков ничем подтвердить сказанное не мог, по той простой причине, что и трудовая книжка, с записью об его увольнении в связи с переводом предприятия в другое место, и паспорт вместе лежали в укромном месте на всякий непредвиденный случай, которого всегда следовало опасаться, потому, что действия начальства вообще, и милиции в частности, предсказать трудно. В качестве доказательства наличия трудового договора между ним и леспромхозом, Жуков привел факт отсутствия у него трудовой книжки: «Если бы я там не числился, то трудовая у меня бы была. А у меня ее нету – не получал. Значит, до сих пор на работе числюсь».

Сивов догадывался, что его дураят и злился, но вида не подавал и продолжал лить подозреваемого: «Зарплату тебе переводом посылают или как? Бланк перевода показать можешь?» Жуков внутренне восхитился прозорливости своего многоопытного соседа по бараку Лехи Люхнина, подготовившего его и к этому вопросу. Он почесал кудрявый затылок, посмотрел в потолок и пожаловался участковому: «Полгода не платят, сволочи. Совсем про меня забыли. Хотя бы ты посодерживал, похлопотал. Но все равно никуда не денутся – выплатят, в крайнем случае, как за вынужденный прогул. У меня адвокат есть знакомый, помочь обещал». Последние слова адресовались непосредственно участковому и прозвучали как угроза. Сивов этот оттенок голоса уловил и понял, что другого пути, как разыскивать адрес леспромхоза и писать туда запрос относительно Жукова и его трудовых отношений, у него не остается. Пообещал ласково: «Посодействую». И, сделав вид, что заканчивает разговор, задал вопрос, ради которого, собственно, и приехал: «А по какому праву ты государственный леспромхозовский трактор в личных целях эксплуатируешь? У меня есть показания, что ты на нем лесоматериалы и сено частным лицам развозишь и, по справке сельсовета, налоги не платишь. Это факт присвоения государственного имущества Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, хуже того – кража. За это тюрьма полагается. Как ты теперь отвертись?»

«А чего мне открываться, – парировал Жуков. – Я не вор, не разбойник, не расхититель и трактор на свое имя не записывал. Стоял он возле моего дома открыто – на то я и сторож и потому сохранился от разграбления лучше, чем в лесу. А если я его иногда заводил и выезжал, то исключительно для обкатки после ремонта и для сохранения моторесурса. Все механики знают, что если машина без работы простаивает, то изнашивается быстрее. Мне еще «спасибо» должны сказать за его

сохранение в рабочем виде. Вот приедут люди из леспромхоза и угонят трактор своим ходом – кому беда?»

Сивов поморщился: доказать факт присвоения трактора вряд ли удастся. Но недаром говорит, что был бы человек, а статья найдется. Злоупотребление служебным положением могло бы подойти, но для этого надо сначала доказать, что Жуков действительно состоит на службе – а это длинная канитель, с которой связываться не хотелось. Поэтому Сивов занес в протокол, что факт эксплуатации трактора после сделанного им ремонта Жуков признает. Следующим, заданным им вопросом был: «Откуда Жуков брал тракторное топливо для поездок и работы по заказам населения?» В те времена, о которых идет речь, дешевле дизельного топлива ценились только молоко и вода из речки. Поэтому, не подозревая подвоха, Костя ответил просто и добросовестно: «За все время я заправлялся всего-то раз, с колхозной заправки в соседней деревне.» На это Сивов удовлетворенно мхмыкнул – факт хищения топлива, как и получения доходов от эксплуатации трактора вполне возможно доказать. А если добавить потери государства от неуплаты подоходного налога и налога на бездетность, плюс амортизацию техники, то дело могло иметь судебную перспективу. Если все же выяснится, что Жуков и вообще в трудовых отношениях с леспромхозом не состоит, то процесс получится громкий, и звезды на погоны могут посыпаться. На этом Сивов протокол закончил, дал расписаться доверчивому Косте (который, не читая, поставил под ним свою закорючку, означавшую роспись) и отбыл для доклада начальству.

А Костя пошел рассказывать о беседе с Сивовым Лехе Люхнину. Сосед содержанием разговора с милиционером весьма озаботился: весь его предыдущий жизненный опыт напоминал, что следует ждать крупных неприятностей, вплоть до ареста. Что он Жукову и высказал в самых мрачных тонах. Жуков многоопытному Лехе внял и поверил как родному отцу, которого уважал, хотя никогда не видел. Той же ночью с небольшим багажом, в котором лежали и паспорт с трудовой книжкой, он ушел на тракт никем не замеченный. Попутная машина довезла его до города, в котором он, особо не думая, завербовался в северный химвлесхоз добывать живицу, так необходимую народному хозяйству и космической промышленности. Вообще говоря, другой дороги у Жукова не было: на сезонную работу по сбору живицы брали без штампа в паспорте о выписке с прежнего места жительства. Жуков устроился временно, а прижился насовсем. О штампе в паспорте пьющий кадровик химвлесхоза постепенно забыл.

А трактор так и остался стоять под окном барака, пока не заржавел окончательно. Объявить его бесхозным и оприходовать в собственность сельсовета не удалось, поскольку он оказался собственностью Казахской советской социалистической республики и лишь временно находился на территории РСФСР.

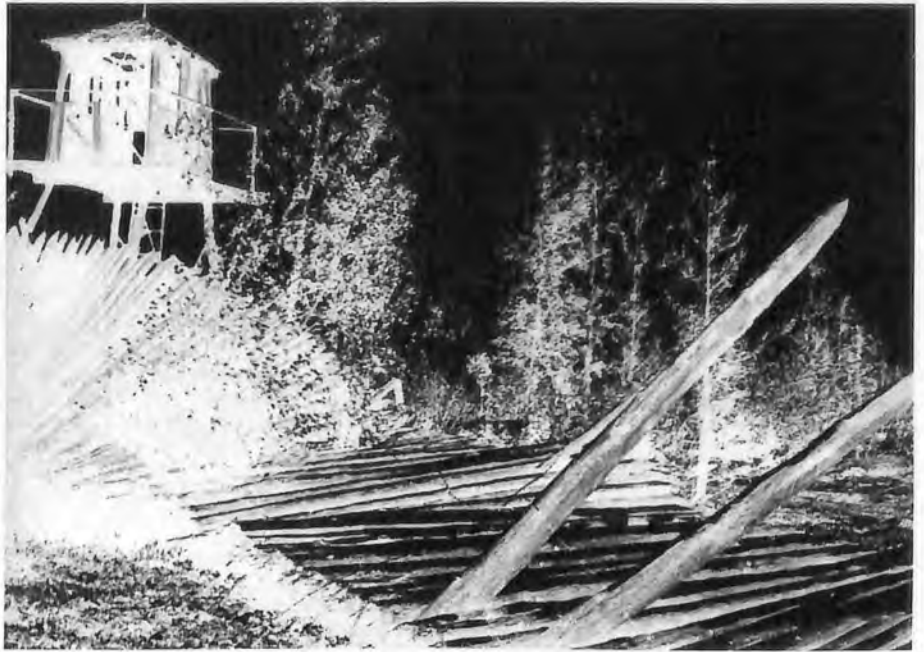
Уголовного дела по факту его присвоения возбуждать не стали по той же причине: из-за отсутствия потерпевшего и из-за невозможности доказать факт присвоения и, главное, из-за исчезновения подозреваемого. По ничтожному поводу объявлять всесоюзный розыск на Жукова никто и не помышлял. К тому же хищение дизтоплива с колхозного склада колхоз подтвердить отказался, ссылаясь на полный ажур в отчетах и отсутствие самого события. Да если бы и подтвердил, то Жуков всегда мог заявить, что топливо использовал для подвоза стройматериалов для ремонта общественного моста и денег за это не получал. В общем, не склеилось уголовное дело. Только Жуков об этом не знал и скрывался в лесу, в вечном ожидании задержания и ареста. Поэтому когда за дверями избушки послышался громкий шум мотора, сердце его утешенно забило от страха. «Добрался и до меня», – решил он и метнулся к двери.

Дверь распахнулась и в избушку ввалился насквозь оочевевший Колонтаец. Одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы понять, что это за гость и откуда взялся. Жукову приходилось уже не раз встречаться в лесу со спецконтингентом и особой радости от новой встречи он сегодня не испытал. Но все равно, гость есть гость, его приветать следует – никуда в тайге не денешься. Поэтому Жуков отодвинулся от печки и уступил теплое место незнакомцу. «Меня Антоном зовут – представился гость. – Пусти переночевать, хозяин, а утром я дальше двинусь, докуда бензина хватит». Колонтаец просился до утра, только из-за необходимости как-нибудь завязать разговор и чтобы не вернули обратно на мороз сразу с порога. А куда, в какую даль, он мог поутру проследовать, Колонтаец себе даже не представлял. Однако, как говорят, утро вечера мудренее. Так оно и оказалось впоследствии. «Проходи, гостем будешь, если с добром пришел, – пригласил Костя. – Я вот ужин готовить собрался и думаю что лучше: борщ или бобы со смальцем. Ты как считаешь?» – «Лучше из того и другого вместе, сытнее будет», – отозвался Колонтаец. Костя с ним весело согласился и с этого момента между двумя лесовиками возникло не то, что иногда называют взаимопониманием, а нечто большее, вроде обоюдной симпатии и родства душ.

Готовить для себя Колонтаец любил и умел чистить не только картошку, но и резать лук, не роняя слез. Глядя, как Антон его режет своим ножом, Костя сделал вывод, что, посетивший его, беглый эск – не профессиональный урка, а мужик, который даже настоящей финки себе значить не смог. За ужином Костя сумел расколоть Колонтайца на исповедь. Колонтайцу утаивать было нечего, врать бесполезно да и не имело смысла, поэтому он рассказал новому знакомцу о побеге и себе все. История Колонтайца, своей похожестью на его собственную, взволновала и растрогала Жукова настолько, что он не поленился разворошить в сенях поленицу, чтобы добраться до записки: давно приберегаемой на всякий случай бутылки

спирта. Пыльную и запотевшую, Жуков ее с гордостью выставил, показывая, что для такого гостя ему ничего не жалко. И пошли у них при свете лампы разговоры, немало повидавших на веку мужиков, для которых и прошлое в тумане, и будущее во мгле, и только текущее мгновение важно и существенно, поскольку именно им живет русский человек в суровые времена. Живи, пока живется. Наливай, да пей – второй раз не предложат. Утро вечера мудренее, покажет что дальше делать. Обговорив и международные и местные темы, собутыльники неизбежно затронули волновавшую их обоих – изобретенный в зоне снегоход «Дружба-2». Для демонстрации его способностей, пришлось даже на время покинуть теплую избушку, чтобы при луне сделать вокруг нее круг по насту. Костя тоже мотосани опробовал и восхитился простоте конструкции: «И я смог бы такие сделать, будь у меня моторы. Можно было бы на станцию за продуктами ездить каждую неделю». Мысль эта крепко запала в его нетрезвую голову и, когда он на другой день проснулся уже далеко засветло, первое, что подумалось, это то, что неплохо бы съездить на станцию, за опохмелкой. После ковша воды в голове еще больше забродил вчерашний спирт и вместе с ним идея поездки, казавшаяся все более привлекательной и заманчивой. Колонтаец, вследствие нежелания, ослабленного режимным питанием, организма принимать привычные для Кости дозы спиртного, лежал на койке в бессознательном состоянии, неспособный не только воспринимать окружающее, но и шевелиться. Поэтому тревожить его Жуков не стал, одел ватные брюки и телогрейку, поверх теплого подшлемника – маску сварщика с простым стеклом, завел моторы снегохода и, спрямляя путь, помчался на станцию, чтобы успеть в магазин до обеденного перерыва.

Тем временем начальник исправительно-трудового учреждения (ИТУ), майор Глухов эту ночь из-за совершенного побега не спал – организовывал погоню и поиск и попутно разносил подчиненных, не умеряя своих в этом деле природных способностей и опыта, приобретенного за двадцать с лишним лет службы в исправительно-трудовых учреждениях, в просторечии: тюрьмах и колониях. Когда молодой солдат Глухов демобилизовался после службы в органах «Смерша» Белорусского фронта, то с удивлением обнаружил, что жить «на гражданке» не умеет и ни к чему, кроме погонь, задержания и конвоирования не приспособлен. Как применить это свое умение в мирной жизни и хоть как-то устроиться в ней, Глухов не представлял и поэтому с ходу принял предложение военкомата продолжить службу в войсках МВД, попросту – в охране лагерей, которые после войны размножались с той же скоростью, с какой прибывали в страну бывшие военнопленные и прочие перемещенные лица. Спрос на честных слуг в НКВД был большой и поэтому, начав с простого надзирателя, Глухов постоянно поднимался по служебной лестнице, дослужившись, можно ска-

Бывшая лагерная зона

зять, до потолка карьеры, после которого можно уже думать и о спокойном отдыхе на пенсии – достиг должности начальника колонии общего режима в областном центре. При колонии имелась производственная зона, в которой, осужденные за малозначительные преступления, умельцы обменивались уголовным опытом и попутно выполняли весьма ответственные заказы для оборонного машиностроения. В прошлом, все заключенные были людьми трудовыми, работать умели и любили и со своими заданиями справлялись, применяя смекалку, рационализацию и изобретательность. От изобретателей из своей зоны Глухов и пострадал, да так, что слово изобретатель, для него стало навсегда ругательным, хуже матерного.

Как раз через дорогу от ИТУ, тоже за колючей проволокой, функционировал один из заводов «среднего машиностроения», на котором периодически случались задержки заработной платы рабочим и ИТР. Причин тому было несколько, не будем их разбирать. Да и какая разница рабочему, по чьей вине произошла задержка и по какой причине у его детей чай без сахара, а у него самого – без мясной пиццы в глазах круги и треугольники рябят. В таком состоянии не до работы. Недовольство нарастало, голодный бунт зрел и однажды его прорвало: забастовал инструментальный цех. Инструментальщики – элита рабочего класса, специалисты высокой руки, мастера. Без их прессформ и оснастки всему заводу стоять и ничем их не заменить. О чрезвычайном происшествии, какого не только в области – в стране не бывало, немедленно донесли и горкому, и обкому КПСС. Последовала резолюция: деньги найти и выплатить, а зачинщиков забастовки наказать, чтоб другим неповадно было и родным навсегда заказывали. Так и произошло: деньги выплатили, цех заработал, а виновным

признали Димку Кукарского, молодого фрезеровщика, между прочим, даже комсомольца, вся вина которого состояла в том, что он выключил цеховой рубильник, после чего рабочие разошлись и никто, включая мастера, не захотел включить его снова. Объективно оказалось, что никто ничего плохого не делал, запретного не совершал и активно протест не выражал, за исключением Кукарского. Его одного и арестовали, а потом и судили показательным судом за хулиганство с особым цинизмом, призыв к массовым беспорядкам и сопротивление властям. Выездная сессия вкатила Димке «на всю катушку» и назначила отбывать срок в колонии, что напротив. Друзья по цеху первое время носили Димке передачи, а потом отвыкли и перестали – ну сколько можно. С крыши цеха в производственной зоне можно было увидеть, как по заводской территории ходят девушки в белых халатах, возле инструментального цеха на столике режутся «в козла» его вчерашние товарищи. И среди них, с веселым и довольным лицом, тот, кто шепнул ему на ухо в злополучный день забастовки: «Выключай рубильник и выдерни рукоятку.» Дмитрий его на допросах не выдал, а он за это даже не навесил ни разу. Вот тебе и рабочая солидарность. После таких раздумий, Димка заргустил, и надумал искать справедливости и пересмотра дела в Москве. Обычно считается, что в Москве справедливости значительно больше, чем в остальном мире, не говоря уже о Сибири. Но от писем в Москву никогда толку не бывало: они всегда возвращались для рассмотрения к тому, на кого жаловались. Перспективнее считался визит на личный прием к высокопоставленным лицам из Генпрокуратуры. Но для этого требовалась самая малость – свобода передвижения. И Димка надумал как получить эту малость на короткое время.

С воли, от трансформаторной подстанции, через опутанный колючкой забор, воздушная линия электропередачи, из голого алюминиевого провода большого сечения, шла с подъемом вверх, на крышу двухэтажного цеха в производственной зоне, на которую был возможен доступ. Димка оценил это обстоятельство и надумал улететь на свободу по воздуху, а точнее – по проводу. В цехе производственной зоны он свободно выточил себе ролик из гетинакса на подшипниках, надел его на Т-образную рукоятку и спрятал на чердаке цеха. В один из декабрьских дней, когда темнеет еще до окончания смены, он пробрался на чердак, накиннул ролик на провод под напряжением и, как на салазках скатился по нему за забор, а там по столбу спустился на землю. Сигнализация, естественно, не сработала и постовые на вышках сквозь дрему ничего не заметили. Димка пробежал двести метров до железной дороги, которая в этом месте шла на подъем и поезда на него шли замедленно, схватился за поручень товарного вагона и исчез, как не бывало. Когда его хватились, то первое время искали в закоулках промзоны, в отвалах стружек, в котлах котельной и других местах. Когда искать почти бросили, пришло сообщение из Москвы, что в приемной генеральной прокуратуры задержан беглый заключенный Кукарский, который этапирован в место отбытия наказания для следствия и суда. За дерзкий побег Кукарскому добавили еще два года, а Глухова понизили в звании и отправили дослуживать на трассу Тавда – Сотник, с отрывом от оставшейся в городе семьи и с предупреждением о неполном служебном соответствии. Надеюсь, теперь вам станет понятно, почему майор Глухов изобретателей среди контингента форменным образом ненавидел, как личных врагов. Побег Миронова-Колонтайца, завершившись он успехом для сбежавшего, для Глухова предвещал крах карьеры и позорную отставку. Но не от предчувствия этого майор Глухов всю ночь не спал: он организовывал поиски. Вскоре стало известно о визуальном наблюдении поблизости от колонии неизвестного снежоката с мотором и о пристрастии Колонтайца к строительству самодельных мотонарт, при одновременном полустительстве технорука. В мастерской по ремонту срочно сделали инвентаризацию и обнаружили недостачу двух бензопил. Сложив эти факты, майор сделал правильный вывод: нужно искать самокатчика в направлении станции. Все дороги, просеки и подступы к станции были немедленно перекрыты оперативными группами с усилением из дружинников. Вся самоходная техника колонии рыскала по давно забытым «кусам» лесовозных дорог в надежде напасть на след. Кажется, обложили кругом. «Пока не поймаем – отмены не будет», – предупреждение майора все ловцы помнили и заранее злились на неизвестного им беглеца, нагло вырвавшегося из домашнего тепла. Шла остревенелая охота на человека, бросившего всем им вызов непослушания. Охота еще более азартная, чем на волка, у которого кроме зубов и ног защититься нечем. Бе-

глый ээк, в отличие от животного, умен, неплохо моторизован и, вполне возможно, что вооружен. Поэтому подразумевалось, хотя и не говорилось вслух, что живым его брать не будут. В назидание следующим кандидатам в бегуны от закона. А потому многочисленные посты, с напряжением, до рези в глазах, вглядывались в сверкающие снега: кто первый увидит несущуюся по ним точку, кто первый выстрелит и упадет. Такому счастливицу выпадет премия и благодарность начальника, а может быть и медаль «За боевые заслуги».

Если офицер целую ночь не спит, то должен же он чем-то поддерживать бодрость своего духа и тела. Офицеры рангом до капитана могут для этого принимать внутрь водку. Но командиры от майора и выше должны использовать только коньяк, желательно с хорошей закуской. Провинившийся технорук эту истину заучил еще с «курсом молодого бойца» и теперь старался, прислуживаясь, терпеливо переносить грубость и хамство своего начальника. Глухов после ночи на ногах, и так был уже изрядно на взводе и в теплой кабине гусеничного вездехода с трудом преодолевал сон. С водителем за рычагами и технорук на подхвате, он лично выехал на патрулирование в район, прилегающий к станции, и остановился за елками на ответвлении от главной лесовозной дороги, чтобы без помех и тряски принять очередную порцию внутрь, для бодрости. Из радиоприемника «золотой» мальчик Робертито Лоретти пел о теплых пляжах Ямайки, загорелых девушках, зеленых пальмах и синем море. Его бы слушать в кругу семьи, за кружкой чая, а не в пропащем соляркой вездеходе.

«Ну, за удачу», – предложил майор и опрокинул пластмассовую стопку отрепетированным за многие годы жестом. Коньяк в его горле только булькал.

«За нашу удачу, – подхватил технорук и поперхнулся: прямо перед ними, по основной дороге в снежном облаке промчалось странное сооружение, похожее на «самобеглые» сани. – Это наш, Емеля!» – догадался технорук и, оттолкнув водителя, сам взялся за рычаги. «Жми по газам на всю железку – уйдет!» – волновался майор. «От нас не уйдет, – заверил технорук. Он уже прикинул скорость саней и сопоставил со скоростью вездехода. – Разве, что на целину свернет, догадается. Но он, в своей маске, нас не заметил.» Вездеход вывернул на основную дорогу и сквозь лобовое стекло стало видно, как недалеко впереди, в облаке выхлопа и снежной пыли, катятся мотосани. Их водитель не проявлял беспокойства, не оглядывался по сторонам и назад и не старался оторваться от вездехода. «Наш ли это?» – засомневался технорук. «Наш, – подтвердил майор. – Я эту сволочь – эзков с закрытыми глазами узнаю, по одному запаху. А у этого вся одежда казенная: телогрейка, ватные брюки, валенки, верхонки. Ишь, гад, как уйти торопится. Дави паразита траками!»

Жуков погони за собой не видел: он вообще по сторонам не смотрел, лесная дорога на Невский проспект, никто на тебя

не наедет. И не слышал ничего другого кроме завывания двух бензопил под ногами. Костя размышлял – как бы усовершенствовать эти мотосани. Вместо дрянных и громогласных двигателей от бензопил поставить более мощный тракторный пускач, а вместо барабанов – транспортную ленту. Рулевую лыжу тоже можно заменить и подрессорить...

«Жми, жми! Уйдет!» – подгонял технорука майор. «А ты стреляй», – отозвался технорук. «Да я не попаду из пистолета, а только испугаю. Ты мне не советуй, а выполняй приказание», – взорвался негодованием Глухов.

Технорук и сам не желал поимки живого Колонтайца. Начнется следствие, суд и, не дай бог, выяснится его личная афера с торговлей бензопилами. И никто не поручится, что Колонтаец не попытается оправдать свой побег угрозами технорука засадить его навечно. При мысли о возможных последствиях для себя, техноруку представилась Нижне-Тагильская «красная зона», в глазах потемнело и он нажал педаль до упора. Дизель взревел, вездеход резко рванулся вперед, настиг мотонарты, слегка подпрыгнул и чвакнул гусеницами. «Готов! – удовлетворенно констатировал Глухов. – Остановись, посмотрим». И зачем-то достал из кобуры ТТ. Осторожность оказалась излишней: под гусеницей тяжелого вездехода и мотосани и их водитель спрессовались в лепешку. Горячая кровь дымилась на холоде и плавила снег, внутренности размазались по дороге. «Не опознать», – расстроился технорук. «И опознавать незачем, – осадил подчиненного майор. – Это тот самый – и сомневаться нечего, по телогрейке выдать. Или ты считаешь, что другого задавил?» Брови майора угрожающе сдвинулись. «Я считаю, что правильно выполнил приказ, – не согласился с ролью козла отпущения технорук. – Осужденный Миронов нечаянно убит при попытке к бегству. А что теперь с этим раздавленным делать ума не приложу, всю машину перепачкаем». – «Подождем когда заледенеет. Это недолго, тогда и погрузим в кузов. А пока пойдем выпьем под буженинку – у меня славная буженинка имеется», – предложил майор. Настроение у него было хорошее: беглец обнаружен и убит при попытке к бегству с его личным, Глухова, активным участием. А значит, угроза репрессий со стороны начальства отодвинулась далеко к горизонту. Технорука и начальника оперативной части придется, конечно, наказать за потерю бдительности и просить отдел кадров об их замене. Но это всегда успеется, а пока можно и выпить на свежем воздухе.

От увиденного, водителя нещадно рвало, он задыхался, хватал ртом снег и пытался убежать. Его нагнали, дали подзатыльник, влили в глотку стакан водки и приказали заткнуться. Он покорно умолк, обмяк, засопел носом и попросил закуски. В голове его вращалась мысль: не он ли следующий?

г. Тюмень.

Скупой рыцарь

(Давнее интервью)

Это было в начале 90-х, когда я работал корреспондентом «Тюмени литературной»...

Не помню уже кто и когда и, кажется, с оттенком иронии сказал, что в Доме ветеранов проживает одна любопытная личность. Из своей комнатки с удобствами этот человек никуда не выходит, и даже в столовую на обед – еду ему приносит дежурный санитар. Он – бывший журналист, которым до сих пор не бросает своего пера, и в данное время пишет историю дома ветеранов, а для творческого вдохновения прячет под матрасом бутылку сухого вина и причащается в одиночку к рюмочке, за что администрация Дома неоднократно его журила и выговаривала.

– Конечно, он – чокнутый, – прибавил тот, кто посвятил меня в этот занятный факт.

По словам передавшего, этот бывший журналист был знаком даже с Надеждой Константиновной Крупской, женой первого большевистского вождя и строителя Советского государства.

– Сколько же ему лет? – присвистнул я.

К общению, разумеется, я отнёсся недоверчиво, и всё же решил познакомиться с интересным человеком, подумывая про себя, что материал найден и оставалось лишь его сочинить.

«Имя Василия Тимофеевича Муравенко, пожалуй, что ни о чём не говорит юному поколению тюменской журналистики, а ведь его не без основания можно назвать Патриархом этой профессии», – так я думал начать свой будущий материал.

Было похоже на то, что мы быстро нашли общий язык с моим героем, интересный материал с лёгкостью плыл в руки. Василий Тимофеевич торжественно признал, что знаком с нашей газетой, как и с главным редактором, поэтом Николаем Денисовым, и передавал ему привет. Был знаком он также и с другими писателями и не только с тюменскими.

Разговор естественным путём тёк по нужному руслу, нужно было только следить за тем, чтобы тема не выходила из берегов.

– А с какими писателями вы были знакомы?

– В начале 30-ых годов я работал в Свердловске, в газете «За тяжелое машиностроение». Сталкивался и с поэтом Борисом Ручьёвым (был репрессирован), и с писательницей Бэллой Дижур, матерью всемирно известного скульптора Эрнста Неизвестного, извиняюсь за невольный каламбур...

– А не могли бы вы рассказать об этих встречах поподробнее?

– Поподробнее не могу, потому что всё забыл.

– Забыли? – переспросил я, подыскивая мягкий угол поворота, потому что понял: материал может улпуть из-за любовой атаки: рассказать поподробнее.

– Конечно, вы скажете, что старик сошёл с ума, но ведь информация – это товар, такой же, извиняюсь, как ливерная колбаса или норковая шуба. Можете вы мне заплатить?

Что я мог ему ответить на этот журналистский юмор? Разговор скользил по поверхности. Старый журналист интриговал меня, ловил на крючок как рыбку на наживку:

– Потом я работал в «Правде» у Мехлиса, он командировал меня спецкором на Украину...

– Тот самый Мехлис? – ловился я на крючок.

– Не знаю, тот самый или не тот, а с кем работал я, был редактором «Правды».

– Военное время трогать не будем, а вот после войны я служил в «Курортной газете», – интервьюер сделал паузу, проверяя мою реакцию на сказанное.

– Что, были и такие? – удивлялся я.

– Были всякие, а наша, где я был редактором, находилась в Ялте, там я и подружился с Владимиром Луговским, известным советским поэтом, который отдыхал в санатории... э-э-э... за был название. Помните знаменитую «Курсантскую балладу»?

Пока не качнулась манерка,

Пока не сыграли поход,

Курсанты танцуют венгерку.

Идёт девятнадцатый год

– И «Синие гусары», – поддакнул я, – о декабристах... Вещь!

– «Синие гусары!» Да что там говорить! – оживился Василий

Сергей Горбунов

Тимофеевич, – замечательный поэт. Мы тогда выпили для утончения поэтического восприятия, и он стихи почитал. Не помню уже какие. Кажется, вот эти: «Той женщины уже не существует...» А дальше мы сфотографировались...

– А не могли бы вы дать для нашей газеты фотографию, – совсем в лоб спросил я, и по-мальчишески добавил, – я бы часы вам под залог оставил (у меня были «Сейко», купленные у корейцев на Дальнем Востоке).

Патриарх пренебрежительно махнул рукой:

– Ну, какие такие у вас могут быть часы. Я вам и так верю.

– Почему?

– Поверьте, за долгие годы работы... я хотя бы людей-то научился различать, – и патриарх дал мне фото, на котором поэт Владимир Луговской (четвертый слева) среди сотрудников «Курортной газеты» г. Ялты. В.Т. Муравенко, редактор газеты, на снимке первый слева. (Снимок публикуется впервые – ред. «ТЛ»).

Я уже собрался уходить с данной мне фотографией, как Василий Тимофеевич остановил меня:

– Может быть, мы с вами и о Никаноре напишем, потом?

– О каком Никаноре? – насторожился я.

– О Коле Кузнецове, разведчике.

– О Николае Кузнецове, вы, что и его знали? Но почему Никанор, подпольная кличка?

– Никанор – это настоящее Колино имя, по метрикам.

– Я этого не слышал...

– Не обижайтесь, молодой человек, но от кого вы и что могли услышать? Поверьте, старые люди знают многое чего, да не сплывают, потому что их не спрашивают. А как спрашивать – на это нужен б-а-альшой талант.

– О чём Вы, Василий Тимофеевич?

– Я знаю о чём, – сказал он.

Я вернулся и снова сел на стул возле койки возлежащего Патриарха. Василий Тимофеевич рассказал, что он принимал Колю в комсомол, будучи секретарём Талицкого райкома, когда будущий разведчик учился в семилетней школе. Была, по его словам, и фотография тех лет.

– А в тридцатые годы мы снова встретились, – говорил Муравенко. – Я тогда в Свердловске работал в газете, а Николай и его брат Виктор на Уралмаше... Вообще-то я писал об этом к 40-летию со дня его гибели в «Тюменской правде» в 1984 году. Я понимаю, материал вторичный, но послушай. Коля на Львовщине тогда не погиб, как я писал.

– Не погиб?

– Понимаешь, старик, он жив. Я это знаю, он жив, только под другой фамилией, напиши об этом...

– Жив? Но это ваша легенда, – ответил я ему, но внутри себя почувствовал: мне тоже хотелось, чтобы легендарный разведчик остался жив в своём последнем бою с бендеровцами в селе Боратин Бродовского района.

Но так ли всё бывает на самом деле, как нам хочется...

«Конечно, такой материал не пойдёт в газету», – усмехнулся я про себя. А вслух сказал: «Я подумаю, как написать об этом».

Публикуя настоящий материал и фото, «Тюмень литературная» поздравляет поэта Сергея Герасимовича Горбунова с приемом (май 2007 года) в Союз писателей России.

Тюмень литературная

«ПИШИ, ЧТОБ ТУЧИ В НЕБЕ РАССТУПИЛИСЬ...»

В начале лета этого года – после долгого перерыва – в Тюмени прошел традиционный семинар молодых литераторов области, точнее, южных районов Тюменского края. Произведения молодых «разбирали» в двух секциях поэзии и в секции прозы.

Публикуем стихи участников прошедшего семинара.

Виктор Майкин

РАЗДУМЬЯ В ПУТИ

Скорей бы мне дойти до дома
И печь горячую обнять!
Свой дом – сосновые хоромы –
Мне ни на что не променять.
Пускай бушует непогода,
Спокоен я, расчет мой прост:
Пройдет каких-нибудь полгода –
И встанет лето в полный рост.

ЛУНА И ЗВЕЗДЫ

Вышел из дома я ночью безлюдной,
В стеганке мне и тепло, и уютно.
Взор мой невольно

уносится ввысь:

В небе, как в сказке,
идет своя жизнь.

Вижу я в нем бесконечный покой,
Месяц-искусник висит молодой.
Звезды-крупницы по небу раскинул,
Важные выбрал –

поближе придвинул.

Ритмы рисунка по ним он ведет
И по рисунку узор создает.

Люди узор тот давно изучают,
Судьбы свои не простые сверяют.

г. Ялуторовск

Ольга Тестова

НЕПОГОДА

Какая непогода за окном!
В такие дни еще сильнее скука.
В такие дни

*так нужно быть вдвоем,
А нам с тобой предписана разлука.*

Какая непогода – в небе хмарь,
К дождю сгоняет ветер снова
тучи,

И гонит листья сорванные вдаль,
Ах, как ему все это не наскучит!

Какая непогода! Час какой!

Мы растаемся,
мы почти простились.

Ты мне пиши почаще, мой родной,
Пиши, чтоб тучи
в небе расступились.

Какая непогода! Ты иди,
А то опять зарядит
нудный дождик.

Так много нынче горечи в любви...
И глаз прощанье,
и цветастый зонтик...

Какая непогода! Холода.
В такие дни разлука ощутимей.
В такие дни так хочется тепла,
В такие дни ты
в сотни раз любимей!

* * *

В твоей душе напутано так много,
Что не пробиться ей к моей душе.
И потому на разных мы дорогах
И невозможно встретиться уже.
Лишь издали

посмотрим друг на друга,

С собою унося тепло любви.
И только неразборчивая вьюга
Сведет в одну две наших колеи.

с. Ощепково Абатского района

Александр Хабардин

* * *

Сколько зла на этом свете,
Сколько горя, сколько слез.
Не разгонит свежий ветер
Дымной горечи и гроз.

Где же тот,
*кто вразумит нас,
Кто научит доброте?
Неужели Бог не видит,
Что творится на Земле?*

Неужели безысходно,
Как свеча, сгорит Земля?
Не помогут нам иконы
И распятие Христа?

с. Юргинское

Людмила Глазкова

* * *

Стихи мои просты,
Как я сама,
И как мой дом
Столетний возле речки,
Как сундучок,
В котором полутьма,
Что притулился
К старой круглой печке.
Стихи мои просты
И прост мой слог,
Как домотканый
Коврик у порога,
Как русский
Незатейливый пирог,
Что ждет гостей –
Для сердца. И – от Бога.
г. Тобольск

Любовь Першина

КРАДЕНОЕ СЧАСТЬЕ

Я эту ночь украла.
Сегодня ты со мной.
Налей вина в бокалы,
И выпьем, мой родной.
Не называй изменой
Вот эту нашу ночь.
И все свои сомненья
Гони от сердца прочь.
И мне кусочек счастья
Подбросила судьба.
Я буду в нем купаться
Хотя бы до утра.
Пусть буду я счастливой
Всего лишь миг с тобой.
Друг к другу долго шли мы,
И вот сейчас ты мой.
И никаких вопросов
Не будем задавать.
На них ответы сможем
Мы по глазам узнать.
Не называй обманом
Вот эту ночь со мной.
Она давно была нам
Обещана судьбой...
Я губ твоих касаюсь,
Кружится голова.
От краденого счастья
Или от вина?!

ПЕСНЯ

Застыли облака перед закатом,
Пахучий ветерок прошелестел.
А сокол ясноглазый мой куда-то,
Со мною не простившись, улетел.
За дальним лесом

солнышко садится,
И мне тоска покоя не дает.
На чье окно

мой сокол приземлится?
Кому о вечной верности поет?
А вечер ночью стилою сменяется,
И снова не дадут мне думы спать:
То ль от разлуки мне печалиться?
То ль счастливой встречи
с милым ждать?

с. Абатское

Сергей Цубарев

ОСЕНЬ

Нам осень подарила
Хрустальные денки.
Мне хочется от мира
В осенний лес уйти.
Где солнечные листья
С небес к земле летят,
Где тихую молитву
Торжественно творят.
Уйдешь и ты со мною.
Спасешься от забот.
И синий нас накроет
Бездонный небосвод.
Вот, видишь, куст калины
От ягод красный весь.
Быть может, это Данко
Оставил сердце здесь?
Напомнит осень людям,
Что молодость пройдет.
Все то, что нынче любим,
Метелью заметет.
Но если есть любимый
И верный человек –
Тебя метелям зимним
Не одолеть вовек.

с. Нижняя Тавда

Вероника Никольская
ДОРОГА К ДОМУ

Мы в лес ходили. Грибы в лукошке.
Ведерко ягод и зверобой.
Теперь до дома совсем немножко,
Мы по тропинке идем гурьбой.

Тропа под горку ведет полого.
Сейчас расступится лес густой.
Сказала дочка: «Меня дорога
Сама торопит, несет домой!»

И ноги сами бегут быстрее,
И дом все ближе, и дальше лес.
Внизу меж сосен река синее,
Негромко споря с красой небес.

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Звезды в окно. Все вокруг знакомо.
Звонки притихли. Носы сопят.
Счастье, это когда все дома.
Счастье, это когда все спят.

г. Тюмень

Геннадий Бронников
РЫЩУТ ВОЛКИ

Что нам готовит «Год Овцы»,
Путь начиная на востоке?
«Не отдадим ли мы концы?» –
С тревогой думают пророки.
Лукавый Землю раскачал,
И веру в мир волною смыл.
Швартовы бросить на причал
Неужто время наступило?..
«Овца», добрейшая овца,
Не будь наивной, елки-палки!
Не попадись в капкан ловца,
Не заходи в чужие колки.
И даже дома у крыльца
Остерегайся: рыщут волки!

с. Нижняя Тавда

Татьяна Молодых
БЕДА НА РУСИ

Сколько вас ушло, односельчане!
На погосте свежие кресты.
Похороны больно сердце ранят.
Что ж, деревня, сиротеешь ты?!

Траурные черные платочки
Сколько уж головушек одели.
Молодые бабы – одиночки,
Из-за «змия» бабы овдовели.

Не война, а села вымирают.
Не чума, беда страшней и хуже.
Отчего ж тебе, о Русь святая,
Деревенский стал мужик
не нужен?!

с. Кавдык, Заводоуковский район

Любовь Исаева
ТАВДА

...Красотами Парижа
Меня не соблазнить!
И что с Тавдою Нижней
В сравнении – Париж?
Друзья спешат в столицу
От будней серых прочь,

А мне поселок снится
В сиреневую ночь.
А я вдаль скучаю
И тороплюсь домой,
Когда вдруг уезжаю
Из сказки неземной.
И в сердце, как и прежде,
Несу через года
Любовь свою и нежность
Тебе, моя Тавда.

с. Нижняя Тавда

Егор Косин

МИНИ-ЮБКА

Садись на коленки, голубка:
Всю жизнь о такой я мечтал!
С разрезом прямым мини-юбка,
Манящий под нею овал.

Согласьем ответив, красотка
Ко мне подошла налегке.
Крутые закуски и водка
Оставили брешь в кошельке.

Так славно весь вечер гуляли.
Что ночь от блаженства пьяна.
Невинность свою потеряли...
А, впрочем, была ли она...

Сидит на коленях голубка,
Нашедшая в жизни причал.
С разрезом прямым мини-юбка...
Ты тоже такую встречал?

* * *

Слыхали, и не раз,
налив вина,
Крик тамады:
«Все пьют до дна!»
Давно мы знаем
эту фразу.

Жест тот неплох,
когда одна
Лишь стопка
враз осушена,
А не десяток вряд
иль сразу.

г. Тюмень

Тюмень литературная

ПОДВИГ УЧИТЕЛЯ

Общеизвестно, что любовь к Родине, как национально-государственному понятию, проистекает из любви каждого человека к крошечному уголку своей малой родины и это уже потом, по мере осознания принадлежности к народу-творцу и его великой истории, она вырастает в могучее и благородное служение Родине – патриотизм.

Одним из таких патриотов и был наш земляк Анатолий Васильевич Давыдов – создатель Викуловского народного краеведческого музея.

Прожил Анатолий Васильевич всего 58 лет, и эти годы были, может, за исключением детских лет, годами унижения и ущемления его человеческого достоинства, слезок, арестов, судов и борьбы за право пройти по земле просто человеком и патриотом, быть самим собой.

Что же это был за человек, в котором власть усмотрела некую угрозу, а простой народ шел к нему, любил и ценил сказанное им слово?

Родился А. В. Давыдов в первые годы Советской власти 8 июля 1925 года в деревне Покровка Викуловского района Тюменской области.

И вот уж действительно, если западного человека можно соблазнить сытостью, то русского человека – только созданием на земле царства справедливости. Его отец, Василий Никитич Давыдов, свято верил в это и, будучи в свое время бойцом Красной Армии, работал председателем Покровского сельсовета, а мать, Матрена Николаевна, вела домашнее хозяйство.

Еще маленьким отец научил сына играть в шахматы, а в качестве подарков были только книги, а однажды – красочный географический атлас, что, судя по всему, и послужило исходной точкой всей жизни, расширив богатое воображение деревенского мальчика.

...Из воспоминаний вдовы Анатолия Васильевича Тамары Петровны Давыдовой, которые хранятся в музее, мы узнаем, что уже в то время он увлекся разыскиванием птичьих гнезд и коллекционированием птичьих яиц. «Обрабатывать тогда яйца не умел, и через месяц они испортились. С 3 класса Толю привлекли наблюдения за температурой воздуха, любил ходить вдоль ручьев, искать родники, лазить по оврагам, обрывать, измеряя их высоту. Тогда же начал самостоятельно составлять планы местности и населенных пунктов. После отличного окончания начальной школы Толя перешел учиться в Викуловскую среднюю школу...».

А вот так вспоминает об этом периоде жизни А. В. Давыдова, теперь уже его учительница русского языка и литературы Е. П. Волкова: «Толя учился отлично, но похвальных грамот не получал, как сын репрессированного отца...».

Отца арестовали перед самым началом войны по линии НКВД. Через некоторое время оклеветанный Василий Никитич умер от голода в холодном лагерном бараке, а мог бы достойно сложить голову, уничтожая фашистов, сражаясь за любимую им Родину.

Позже, по запросам А. В. Давыдова, отец был реабилитирован в 1963 году, но тогда, в 1941, это, вне всякого сомнения, был жестокий первый удар по его человеческому достоинству, наложивший негативный отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

Арест и смерть отца ничуть не расшатали в сознании юного и одаренного А. В. Давыдова незыблемость и веру в построение справедливого общества, но в силу сыновней любви его рана кровоточила и, хорошо зная отца, он отказывался верить в его вину.

Началась Великая Отечественная война. Жить стало трудно, так как из-за ареста Василия Никитича семье было отказано в выдаче хлебных карточек.

Окончив в 1942 году девятый класс, А. В. Давыдов пошел искать работу. По рассказам мужа вспоминает Т. П. Давы-

дова: «Ему исполнилось 17 лет, а выглядел как 13-летний мальчишка. Спрашивал о работе очень робко. Обратился вначале в библиотеку, куда часто ходил. Заведующая обрадовалась, но через два дня в работе отказали. В РОНО нужен был статистик, но только холодно посмотрели. Мотористом кинопередвижки также не взяли. То и дело слышал в ответ: «А-а, это сын Васьки Давыдова, что арестован НКВД. Не-ет, не пойдет!». Пришлось Толе с матерью работать поденщиком: сено сгребать, крыши поправлять, картофель копоть...».

Будучи убежденным патриотом, он с нетерпением ждал, когда военкомат вручит ему повестку, и он будет на фронте уничтожать врагов Родины, а заодно и заглаживать, если есть таковая, вину отца.

Когда, наконец, был вызван в военкомат, то тщательно скрыл от медкомиссии свои сильно обмороженные еще в детстве пальцы обеих рук. Это ему удалось, но его все же вернули домой, как негодного к военной службе. Очень стыдно было возвращаться...

И опять возобновились попытки найти работу, дабы получить хлебные карточки, и опять: «А-а, это сын Васьки Давыдова...». И вторая попытка попасть в действующую армию была для него неудачной, лишь с третьей попытки ему удалось-таки в декабре 1943 года прибыть на Карельский фронт.

В марте 1946 года А. В. Давыдова демобилизовали. За ратные подвиги был награжден медалями СССР: «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и благодарностями Верховного Главнокомандующего.

Из воспоминаний Т. П. Давыдовой: «В конце марта 1946 года Толя явился в Викуловскую среднюю школу в 10 класс. Успешно догнал в знаниях других учеников и сдал экзамены. Осенью этого же года Анатолий Васильевич поступил на I курс Омского педагогического института им. Горького на географический факультет. Благодаря уникальной памяти и блестящим знаниям, договорился в деканате в течение месяца взять у него экзамены за I курс, чтобы перейти на 2-ой. В виде исключения это позволили, и он успешно с этим справился, мог бы еще ускорить окончание пединститута, но больше уже не разрешили. В 1949 году он с отличием закончил пединститут».

В годы учебы Анатолий Васильевич познакомился со своей будущей женой Тамарой Петровной. Т. П. Давыдова, как и муж, закончила географический факультет, и по окончании института они разъехались и еще какое-то время переписывались. Лишь в 1953 году связали свои судьбы. В их дружной семье родилось двое детей: сын Владимир и дочь Нина.

О времени совместной учебы Тамара Петровна вспоминает так: «Анатолий Васильевич, как и все студенты, материально был плохо обеспечен. Мать-колхозница не могла ему помочь, приходилось работать вечерами: где лекцию прочтет, где грузчиком поработает или воспитателем в общежитии. Помогал матери. Любовь к родителям он пронес через всю свою жизнь, сделал это и примером для своих детей. По окончании института его знали как отличного организатора, общественника, оставляли работать в школе г. Омска или горкоме ВЛКСМ. Но его тянуло домой, в Викулово – здесь мать, здесь своя природа, здесь было задумано заняться с учащимися краеведением, набраться опыта и учиться дальше...».

В августе 1949 года А. В. Давыдов приступил к работе в Викуловской средней школе. Склеил доставшиеся ему четыре рваные карты, приделал к ним рейки, выручили и десять карт, что прикупил на свои деньги еще в Омске. Совместно с учащимися соорудил первую в области географическую

площадку с флюгером, метеобудкой, солнечные часы с горизонтальным и экваториальным циферблатом и другие установки, сделал несколько чуел, положив начало еще одной школьной деятельности. Начертил белой масляной краской на доске контуры СССР, позднее – и карту обоих полушарий, придумал сам, как с ними работать учащимся. И впервые в стране педагог-новатор А. В. Давыдов стал проводить уроки не в обычном классе, как практиковалось до него, а пока еще в бедном, неказистом, но уже с применением многих карт и наглядных пособий географическом кабинете.

Несколько позже Анатолий Васильевич, обобщив весь свой накопленный педагогический опыт, издал свою методику преподавания географии в школе отдельной книгой-брошюрой «Уроки в кабинете географии», которая вышла в свет в 1955 году в Московском издательстве «Учпедгиз» тиражом 20000 экземпляров под рубрикой «Опыт передового учителя».

Тамара Петровна не без удовольствия вспоминает, что на гонорар от издания этой книги они купили себе корову, так как в семье уже росли маленькие дети.

«Большинство учителей, — вспоминает Т. П. Давыдова, — положительно оценивали его новаторство, но появились и первые завистники, тем более, что Анатолий Васильевич не умел хитрить. В пылу иногда не совсем тактично выражался о работе в школе, поэтому разные по складу ума, по морали и делам люди должны были рано или поздно прийти к конфликту между собой. Особенно Анатолий Васильевич не выносил так называемой приписки – «процентомании» по успеваемости учащихся.

Так, в первый год, приступив к своей работе, он выставил 20 учащимся за первую четверть отрицательные оценки, но за вторую четверть их было всего три. Он не жалел времени для учеников. Наглядное и занимательное объяснение, более частая и требовательная проверка привели к резкому подъему успеваемости по его предмету. Если в прежние годы никто не ходил на занятия географического кружка, то теперь для работы в нем приходилось строго отбирать школьников.

Третья учебная четверть принесла новые успехи: он успешно провел свою первую экскурсию в зимние каникулы с учащимися на лыжах, и кружковцы начали оформлять свой первый альбом-журнал географического кружка, но главное – во взаимоотношениях учителя с учениками царил атмосфера интереса, подъема. Был настоящий бум в обучении географии.

В последней четверти Анатолий Васильевич провел большой географический вечер, собрал оригинальную коллекцию птичьих гнездышек и яиц 50 видов. Провел свою первую двухдневную экскурсию в июне на холм Чалпан, где установил факт первобытной стоянки.

Кроме всего этого, он успешно занимался и общественной работой: преподавал взрослым в райпартшколе, читал лекции для населения, был руководителем методобъединений учителей географии района, стал чемпионом района по шахматам и даже любил петь со сцены Дома культуры «Московский вальс», «Роз-Мари» и другие песни.

Но тут уехал директор школы, и руководители облОНО и райОНО, видимо, не нашли опытного педагога с высшим образованием, — вспоминает Тамара Петровна, — пришлось пригласить на эту должность Анатолия Васильевича. Он наивно думал, что его жадность к творческой работе руководители района поймут и не будут строить козни из-за мелких вопросов и пустяков. Он еще не представлял полностью, насколько неприятен районному начальству своей беспартийностью, прямоотой суждений и репрессированным отцом.

«Вы хотели, как будто, еще в институте вступить в партию? Поработайте еще директором школы, и мы вас примем», — напутствовали в райкоме. Инициативный и заботливый, — продолжает Тамара Петровна, — он немало сумел сделать за время пребывания в этой должности. Не забросил и общественную работу. Особое значение прида-

вал правильной оценке уроков всей педагогической работы учителей. Уже тогда он твердо становился на позиции оценивать работу каждого учителя не по выставленным ими же самими оценкам в классном журнале, а только по самой деятельности. Он уже тогда никак не сходил с любителями обо всем судить по «бумажным сводкам».

Руководители района упрекали Анатолия Васильевича, что успеваемость в школе очень низкая, всего 70–77%. Он глубоко возмущался несправедливым требованиям высокопроцента успеваемости, доказывал, что нужно требовать высокий уровень преподавания, а не ложного завышения отметок, особенно четвертных и годовых.

С каждым днем становилось все очевидней, что руководители района, облОНО, райОНО, как только подыщут, поставят во главе школы «своего». Как только первый секретарь райкома намекнул, что его жене, устроенной в Учительский институт, нужен аттестат о среднем образовании, то он тут же убедился в его неподкупности и тут же меняет отношение к Анатолию Васильевичу в худшую сторону и ему утраиваются всевозможные козни. Ему отказывают в приеме в партию, а активу села как негласно объявили, что вот, мол, какой он человек в партию стремился, а на партсобрание даже не соизволил явиться.

Кроме того, он не выполнил распоряжение под грифом «секретно»: распоряжение офицера РО МГБ, где указывалось на «засоренность» школы ссыльными немцами, репрессированными, предлагали уволить с работы немца-пианиста, ведшего несколько уроков пения в 3–4 классах, а немцев из технического персонала направить в колхоз. А. В. Давыдову было указано на «отсутствие классового чутья и должной бдительности», однако в мутном потоке недоверия людей и произвола руководителей к нему как-то наоборот привилось сознание равноправия людей и уважение человеческого достоинства.

В конце учебного 1951 года А. В. Давыдов распрощался с обязанностями директора школы и целиком сосредоточился на преподавании географии и кружковой работе, по-прежнему будучи добродетельным, любящим шутить, но тем не менее настойчивым и требовательным.

В третий год своей педагогической работы Анатолий Васильевич написал десяток статей на различные педагогические и краеведческие темы: «Об оценке работы учителя» (возвращенную редактором), «О проверке и оценке знаний учащихся», «Наш географический кабинет», «Наблюдения за птицами», «Палеонтологические находки», «Экскурсии на холм Чалпан» и другие. Были созданы три журнала-альбома географического кружка с дневниками, собрана коллекция 90 видов местных птиц с оригинально оформленными картинками...

Однако 5 мая 1953 года А. В. Давыдов получил выписку из приказа облОНО об освобождении его от обязанностей учителя географии.

Сдаваться на милость грубой силе он не привык, и в августе этого же года он поехал в Ленинград для поступления в аспирантуру при Государственном пединституте им. Герцена, будучи уверенным в своей подготовке.

Сдав вступительные экзамены значительно лучше своей единственной соперницы, он узнает от завкафедрой профессора Гуревича, что у него нет перед ней преимуществ, так как она является членом ВКП (б), а он беспартийный.

Анатолий Васильевич едет в Москву, попадая на прием к замминистру образования А. М. Арсеньеву со справкой о сдаче вступительных экзаменов.

В октябре 1953 года он становится аспирантом Московского областного пединститута им. Крупской при кафедре методики географии.

Кафедрой заведовал доцент Беренс, с которым у Анатолия Васильевича, помимо возрастных и нравственных различий, были и куда более важные идейные и научные расхождения.

Анатолий Васильевич решил ускорить сдачу кандидатских экзаменов и поставил официально вопрос перед кафе-

дрой и его заведующим об утверждении выбранной темы – «Школьный кабинет географии».

Все четыре кандидатских экзамена А. В. Давыдов сдал на «отлично». Доценты внимательно слушали аспиранта, после чего В. С. Говорухин сказал ему: «Анатолий Васильевич, если о ваших знаниях будут знать другие, то у вас будет много завистников. Комиссия, конечно, ставит вам «отлично!».

Материала для выбранной темы у Анатолия Васильевича было больше чем достаточно, и он пишет ее в первый же год, но его научный руководитель Эрдели отвергает ее, тогда Анатолий Васильевич пишет вторую диссертационную тему – «Внеклассная работа по географии с учащимися 8–9 классов». Из его работы следует: «... содержание внеклассных занятий должно непременно развивать любовь учащихся к своей Родине путем ее углубленного изучения, например, как Алтай, Байкал и т. д.».

И эта тема диссертации, как и первая, была отвергнута. Стали предлагать третью, но, устав от несправедливости, Анатолий Васильевич подает заявление об уходе из аспирантуры, мотивируя это разногласиями с Беренсом. О порядочности научного мира он теперь думает совсем иначе...

Осенью 1955 года супруги Давыдовы приступили работать в Викуловской средней школе. Анатолий Васильевич вел кружковую работу, ходил с учащимися на экскурсии и собирал различные экспонаты в своем кабинете географии. Напечатал статьи в журналах «География в школе», «Народное образование», в «Учительской газете» и местной районной газете.

Вроде бы все начало потихоньку налаживаться, но с августа 1956 года жизнь опять круто меняется. На традиционном собрании учителей по случаю начала нового учебного года зав. отделом пропаганды и агитации райкома партии был сделан доклад «О вреде культа личности в педагогике». Выступать в прениях никто не хотел, оно и понятно: кому хочется рисковать... И когда после перерыва председательствующий посоветовал А. В. Давыдову «сказать что-нибудь интересное», Анатолий Васильевич со свойственной ему открытостью и прямотой встал и сказал, что «о вреде культа личности в народном образовании ничего нового не услышали, и что президиум надо избирать демократическим путем, а не по заранее подготовленному списку. Разве нельзя было обратиться к учителям, разве бы они избрали худший президиум? Я, например, выдвинул бы старательного и авторитетного учителя Н. Г. Зырянова. Я считаю, на учительских собраниях нужно заниматься не слащавым пустозвонством, а конкретными, конструктивными делами! Пользуясь выступлением, я, например, предлагаю повысить заработную плату всем учителям и техническому персоналу...».

Это выступление было расценено как недовольство Советской властью, и через несколько дней на А. В. Давыдова было заведено дело. Началась настоящая травля. Каждое его высказывание среди учителей о вреде процентовании, о бедности школ, о малом расходовании средств на просвещение из госбюджета СССР незамедлительно ложилось в папку его дела доносительным листом.

Зная характер Анатолия Васильевича, всевозможные стукачи и приспособленцы провоцировали его на какой-нибудь «острый» разговор и незамедлительно, по-лакейски относили бумажки. Он знал об этом, но ничего не мог поделать со своим честным и открытым характером.

В августе 1957 года около города Тюмени состоялся первый слет туристов-школьников. Юные туристы, возглавляемые А. В. Давыдовым, заняли на нем второе место по области, а по некоторым видам соревнований – первое, привезли в школу дипломы и премии.

1957–58 учебный год Анатолий Васильевич начал в особенно трудных условиях, ему поручили дополнительно вести уроки астрономии в трех десятых классах, а тут вскоре для настоящего следствия-дознания в отношении его, якобы, антисоветских высказываний прибыл следователь.

Приглашенные в качестве свидетелей чувствовали себя в большинстве своем перед Анатолием Васильевичем крайне неловко, одни не хотели участвовать в юридических делах,

другие опасались тяжелых последствий для своего коллеги. Но были и свидетели, желавшие отстранения Анатолия Васильевича от учительской работы, находились даже желавшие лишения его свободы.

Следователь уже после того, как не раз называл высказывания Анатолия Васильевича «антисоветскими», в конце допроса задавал учителям один и тот же вопрос: «Считаете ли Вы высказывания А. В. Давыдова антисоветскими?», – заранее зная, что получит утвердительный ответ, видя трусость, неразборчивость в политических и юридических делах свидетелей, складывая в папку желаемые протоколы допроса.

В 1958 году А. В. Давыдов был сослан в Абакальскую среднюю школу Тобольского района. Условия были малопривлекательные: нет квартиры, нет любимого кабинета, но главное – не было рядом семьи. Спать приходилось на раскладушке в снимаемой комнате.

После многократных заявлений в облОНО лишь к концу учебного года был освобожден от этой принудительной работы в главной мере по причине слепоты матери, у которой он был единственным сыном.

По прибытии в Викулово работы в школе ему не дали. С огромным трудом в 1960 году устроился на работу в Доме пионеров, где сразу же организовал кружки – теннисный, краеведческий и шахматный, из которого, по сути дела, впоследствии вырос шахматный клуб.

Для привлечения и развития полезных интересов школьников Анатолий Васильевич устроил постоянную краеведческую выставку и просил классных руководителей, учащихся, чтобы они посещали ее. У этой выставки о каждом предмете, о каждом экспонате Анатолий Васильевич мог увлекательно рассказывать многие минуты и даже часы, однако не злоупотреблял этим, учитывая разные интересы школьников, обращаясь к ним за помощью пополнять выставку предметами краеведческого содержания.

В конце 1960 года его назначили директором Дома пионеров. Ему удалось организовать и новые кружки (пианино, духовой оркестр) и вместе с существующими ранее хоровым, танцевальным устраивать для школьников и взрослых райцентра по 10–12 концертов в год.

Для шахматных соревнований Анатолий Васильевич выбирал только время каникул. Безо всякой погони за числом он по-настоящему подготовил свыше сотни шахматистов различных разрядов. Сам А. В. Давыдов играл по первому разряду и, благодаря прекрасной памяти, мог играть вслепую, что очень нравилось учащимся.

«Для развития интересов школьников по краеведению, — продолжает свой рассказ о муже Тамара Петровна, — Анатолий Васильевич во все времена года проводил экскурсии: пешие, на лыжах, лодках, велосипедах, на автобусах. Был организатором слетов, на которых, помимо обычных туристских соревнований, приучал учителей и учащихся к более сложным соревнованиям, давал знания окружающей природы, населения, экономики, истории. Как опытный педагог, он умело продвигал и методическую работу: проводил много различных семинаров со старшими пионервожатыми, учителями по кружковой и краеведческой работе, с работниками пионерского лагеря.

И все же слежка и козни против него продолжались, и после очередной стычки с заведующей облОНО, возникшей в разговоре при обсуждении с ним так называемого «липецкого метода обучения», Анатолий Васильевич сказал: «Я думаю, что Липецкую область сделали как маяк, как зацепку для выжимания высокого процента успеваемости в других школах по всей стране. А ведь учителя и ученики там насколько не лучше других, ведь страна-то одна. И ничего там нового не придумали, а этой липецкой «липкой» уже пахнет и у нас в Сибири». Зав. облОНО возразил: «Так Вы, может, и наши успехи в космосе считаете пропагандой?» – «На мой взгляд, — заметил Анатолий Васильевич, — лучше бы часть средств, расходуемых на космические цели, все же потратить с пользой на школы, больницы и продовольствие».

Заведующий облОНО в отсутствие А. В. Давыдова посетил районный Дом пионеров и повелел выбросить оттуда «все эти кости» (кости мамонта, носорога, лесного тура и других видов древнейших животных, собранных в походах вместе с детьми) и устроить там «что-нибудь другое».

Узнав об этом Анатолий Васильевич заявил: «Краеведение с выставкой я считаю необходимым не только району, Дому пионеров, но и каждой школе и выбросить оттуда кости можно только с моими». — И он опять остался без любимой работы.

В 1963 году Викуловский район соединили с Абатским и из нового райцентра прислали авторитетную комиссию. Комиссия на первых порах ухватилась за самое главное в работе — портрет В. И. Ленина. «Какое искажение облика вождя! — воскликнула проверяющая. — Нужно сейчас же снять его!» — грозно потребовала она.

«Портрет в Доме пионеров висит с 1958 года, по пока мне никто об этом не говорил», — вынужден был ответить Анатолий Васильевич. И опять, пока он передавал имущество Дома пионеров, начался подбор против него свидетелей и свидетельских показаний.

Отлаженное дознание шло своим чередом, и 24 мая 1963 года был сделан обыск в его доме. Для отвода глаз посмотрели на сочинения А. В. Давыдова, одежду и даже не поленились слезить на крышу дома.

Постановление на арест решено было выписать, когда дети разбежались на каникулы (учитывалась привязанность и любовь к нему детей). И пошло: взятие под стражу, этап до Тюмени, психиатрическая больница в г. Перми, предварительное следствие, судилище. Заседание суда было открытым и проходило в кинозале районного Дома культуры. Народ набился битком, чтобы поддержать Анатолия Васильевича, а многие, кому не хватало места, группами стояли у окон и дверей Дома культуры и не расходились.

Дети на выходе, когда уже осужденного А. В. Давыдова выводили из дверей, пытались плотным кольцом оттеснить от него охранников с криками: «Не отдадим нашего Анатолия Васильевича!».

Но не так то просто было сломать этого человека. А. В. Давыдов пишет заявление в Верховный суд РСФСР и по приговору решения суда в мае 1964 года его освобождают из-под стражи и дают два года ссылки в Лабитнанги. Однако, не признавая за собой никакой вины, он пишет новую кассацию и в августе 1964 года дело в отношении Давыдова Анатолия Васильевича прекращено за недоказанностью состава преступления и — наконец-то долгожданное возвращение домой...

Я уже упоминал, что, добиваясь в высших судебных инстанциях своей невиновности, А. В. Давыдову удалось попутно доказать и невиновность репрессированного отца, Василия Никитича, из-за ареста которого он и начал отсчет всех своих житейских неудач и испытаний. Это была двойная победа Анатолия Васильевича над силами зла.

Весь 1965 год и до осени 1966-го А. В. Давыдов был без работы. Ее по-прежнему не давали ни в школе, ни в Доме пионеров, и он, тоскуя по любимому делу, помогал своей жене Тамаре Петровне проводить экскурсии с учащимися по селу Викулово.

«А потом учащиеся, — вспоминает Тамара Петровна, — сами стали приходиться к нам домой каждое воскресенье и просить Анатолия Васильевича возглавить экскурсию на природу, просили об этом и их родители. Осенью 1966 года ему предложили работать на метеостанции наблюдателем за 60 рублей в месяц. Он не соглашался, но так как материально жили плохо, то под нажимом семьи согласился. Ночные дежурства наблюдателя отрицательно сказывались на его здоровье как занятие нелюбимым делом».

В 1968 году А. В. Давыдов начал строить себе новый деревянный дом. Строил четыре года, и так как денег всегда не хватало, себя не жалел, подорвал здоровье. После операции мучился около года. Жизнь была доведен до крайности, так как понимал, что работать в школе больше не доведется, и

как только, буквально, выпросил, чтобы ему позволили вести шахматный кружок, и краеведение, сразу же уволился с метеостанции, хотя стал получать вдвое меньше, но деньги Анатолия Васильевича никогда не интересовали. Он снова стал проводить экскурсии, заниматься историей района, сбором материала для будущего музея, который был задуман им давно.

«Им впервые описаны и отчасти даны названия холмам района: Курганский, Красногорский, Малышевский. Слободской, Старо-Боровской, Усть-Барсуковский, Чалпанский, Шаньгин, Юшковский, Чуртанский. Он является первооткрывателем 5 стоянок первобытных людей, 45 могил в 7 пунктах. Здесь же собирались предметы быта и труда. Добился под музей двух комнат в Доме пионеров, чуть позже выделили и третью (не без помощи совета музея и Г. Я. Шантурова). В 1973 году музею было присвоено звание «народный». В трех комнатах Анатолий Васильевич разместил 40 разделов, где было собрано около 10 тысяч экспонатов.

Многое было собрано и сделано руками самого создателя, — продолжает Тамара Петровна, — например: рельефные планы, графики, таблицы, диаграммы, чучела животных и птиц, коллекция яиц и т. д. Анатолий Васильевич был честный, трудолюбивый, аккуратный человек. Так как в последнее время отдел культуры платил ему за ведение шахматного клуба 100 рублей, то он в первую очередь должен был отработать эти часы по шахматному клубу. С утра занимался музейными делами, после обеда вел краеведческий кружок, за который платили 30–40 рублей. Взрослые и учащиеся приходили после второй смены занятий в школе и после работы в 5–6 часов вечера. Уходил Анатолий Васильевич на работу в 9 часов утра и приходил домой в 9–10 часов вечера. Шахматы сильно изматывали его: надо было объяснить теорию, а потом показать на практике. То и дело он проводил районные соревнования, участвовали и в областных, и, конечно, сильно уставал. Его часто просили играть на нескольких досках, играть вслепую, что требовало от него напряжения ума и памяти. Дома он часто говорил, что «шахматы меня доконают», но бросить их, значит, остаться без зарплаты, без средств к существованию. Так и случилось: два дня шли шахматные соревнования в г. Ишиме, а на третий — соревнования в Викулово. Умер он 6 декабря 1983 года».

В начале 80-х свою малую родину — Викуловский район — посетил первый секретарь ЦК КП Литвы А. Э. Восс и, оказавшись в музее, удивился россыпи собранных экспонатов. Смущали его убогость и теснота отведенного под музей помещения, и тогда он в присутствии Анатолия Васильевича обратился к областному руководству с просьбой построить здание по затратам двухкомнатной квартиры. Памятные моменты посещения краеведческого музея столь высоким партийным гостем хранит папка музейных фотографий.

Случайно ли или по чьей прихоти, но не на одной из них нет честного и открытого лица А. В. Давыдова, а лишь красуется его облысевшая задняя часть головы, зато другие лица, не имеющие никакого дела к созданию музея, рядом с партийным гостем запечатлены по достоинству и все как надо.

Новый музей был построен в течение года и открыт, но Анатолию Васильевичу работать в нем уже не пришлось...

Викуловский районный краеведческий музей не так давно, по инициативе учеников А. В. Давыдова, был назван его именем...

Мы живем уже в другое время и в другой стране. Лучше или хуже — в этом нет вины Анатолия Васильевича Давыдова. Думаю, дожив до сегодняшнего дня, он вряд ли одобрил бы развал всего, что было создано созидательным трудом народа. Жизнь его проста и бесхитростна, но за этой простотой кроется великий подвиг скромного сельского учителя, целиком отдавшего себя делу служения Родине и народу и оставившего в память о жизненном пути творение души — народный краеведческий музей.

Сергей ЕРЕМИН,
с. Викулово

«ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...»

Лучшее лирическое стихотворение о второй мировой войне, написанное Михаилом Исаковским и ставшее знаменитой песней, начинается словами:

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.*

При какой форме уничтожения мирных русских жителей на захваченных фашистами территориях ПОЛНОСТЬЮ погибали семьи фронтовиков? Скорее всего – при массовых сожжениях заживо населения наших деревень. Таких трагедий только в родной моей Смоленской области было больше пятидесяти (сгорели факелами около семи тысяч человек), а сходные страдания приняли от германских аспидов также дети, женщины старики в Брянской, Псковской, Новгородской, Ленинградской, Калининской, Курской, Белгородской, Орловской, Рязанской областях, Ставропольском крае.

Михаил Исаковский – поэт фронтового поколения – не мог этого не знать и как выдающийся лирик, очень чуткий к жизни соплеменников, не мог так или иначе не отозваться на эту величайшую народную боль. Его ответ на ужасающую жестокость западно-европейских извергов, проявленную над беззащитными людьми, в первую очередь строка: «СГУБИЛИ ВСЮ ЕГО СЕМЬЮ» – строка с бездной, как сейчас понимаем, исторического содержания. В ней запечатлено характерное злодеяние гитлеровских ублюдков, осужденных потом как военных преступников Международным Нюрнбергским трибуналом, главные из которых были казнены.

Еще более страшно становится от этого неслыханного кошмара, когда знаешь, что ни малейшей военной необходимости в диких аутодафе пришлых уродов не было совсем, – свои основные подвиги подобного рода они осуществляли буквально, при паническом бегстве под ударами Красной Армии. Мирные граждане в эти дни ни малейшим образом не могли оказать никакого влияния на ход боевых действий и, естественно, никак в них не участвовали. Я думаю, являясь служителями сатаны, вторгшиеся на древнюю славянскую землю чудовища с Запада сжигали наших соотечественников ритуально. Подпитываясь, по негодяйским понятиям, энергией кристалльных душ, надеясь таким образом получить помощь от дьявола. Окультист Кроули, человек-зверь, один из идеологов гитлеризма, свидетельствовал, что он в течение шестнадцати лет (1912 – 1928) приносил врагу рода человеческого ежегодно по 150 невинных жертв, особенно мальчиков как «имевших высочайшую и чистейшую силу».

На территории моего родного Угранского района Смоленской области в ночь с 13 на 14 марта 1943 года в деревне Борьба иностранные выродки заживо сожгли всех жителей этого селения и еще двух сел – Ломанчина с Криволевкой. Сожгли чуть ли не в два раза больше ни в чем неповинных наших сограждан, чем в известной всему миру белорусской Хатыни. Такого геенского ужаса не бывало здесь за все время существования людей, за все века.

С земляками моими и с чудом, оставшимся живым из огненной деревни Борьба, в ту пору пятилетним Бычковым Петром Афанасьевичем, мы установили на месте сожжения деревни памятную каменную доску со словами о произошедшем здесь в марте 1943-го...

К сожалению, адская акция марта 1943 года по одновременному поголовному погублению всех семей из трех деревень не присутствует в общественном сознании, словно не является важнейшим историческим фактом. И не воспринимается как типичная для мученического лихолетья оккупации на русских землях. А разве может быть иначе? Ведь нигде, в том числе в Угранском краеведческом музее, о произо-

шедшем нет, буквально, ни одного упоминания; ни единого экспоната о таких зверствах я не обнаружил при посещении почти десяти музеев других районов области, в каждом из которых были массовые сожжения заживо мирных граждан; не нашел ничего об этом и в музее Великой Отечественной войны в Смоленске. То есть ЗАМОЛЧАНЫ, фактически, все смоленские и, как оказалось, в целом РОССИЙСКИЕ Хатыни. Они никак не фигурируют даже в энциклопедиях о Великой Отечественной войне, создатели которых эти инквизиторские факты грандиозной гитлеровской преисподней знают в сто раз лучше меня, потому что являются военными историками-специалистами в области явлений и проблем тех лет, зачастую имеющими ученые степени, которые подтверждают, что они – крупнейшие знатоки в делах коричневых страшилищ.

Лично я рассматриваю сложившееся положение как невиданное, организованное, тщательно продуманное, ослабляющее безопасность Родины преступление и отсутствие контроля со стороны государственных органов над идеологическими диверсиями против русского народа. До глубины души возмущает одновременное нагнетание ситуации с придуманным провокаторами «русским фашизмом», который по наглomu заявлению в откровенно антиправовой телепередаче бывшего министра культуры Швыдкого, «страшнее немецкого». Можно предположить, что такая гнусная личность является агентом мировых сатанистов, внутренним врагом России и её народов. Весьма печально, что среди многомиллионного этноса некому задать ей очевидно необходимый вопрос: «Зачем ты суешься в чужие русские дела?» Надо помнить, что церковь князя тьмы официально существует в ряде стран, скажем, в США и Англии, с которыми во всем берут пример наши прогрессисты-ироды. По их понятиям о ценностях: чем над более светлыми душами они изгаляются, тем значительнее служат своему хозяину – нечистому, отцу лжи. В голову невольно приходит мысль, что именно эти силы стоят за забвением чудовищных российских Хатыней.

Но меня также потрясают смоляне и жители названных выше областей, особенно представители образованных слоев, которые об истязаниях пламенем-драконом земляков в годы минувшей войны молчат в течение десятилетий. Ведь подумать только! – сотни и тысячи журналистов, педагогов, работников культуры, властных сфер советского и нынешнего времен и другие лица реально представляют собой участников криминала по сокрытию первоочередной информации о нашей имеющей принципиальное значение жизни, известной им по ней самой, в конкретных случаях своих местностей, что называется, впитанной с молоком матери. Мы, составляя более 80 процентов населения страны, которая потому официально должна являться, строго в соответствии с международным правом, – моноэтнической, о чем тоже гробовое молчание среди внутренних и внешних врагов Отчизны при нашем самоубийственном попустительстве, не решаем в ней ни одного вопроса. Обозначенный здесь о российских Хатынях – из самых показательных. Ничего подобного в общественном поведении нет ни в одном независимом государстве планеты, причем и в только что на наших глазах образованных новоделах на территории исторической России. В какую же просто биомассу надо превратиться, что уже весь мир смеется над нами за такую всепокорность швыдким с ненашим образом жизни! Буренки не догадываются, а человеку легко сообразить: повернись стадо к пастуху рогами с намерением обрести свободу – и в том мгновенно вспыхнет готовность унести хоть за тридевять земель перед угрозой неминуемого ухода в небытие от несоизмеримо мощнейшей

ПУТИ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Митрополит ИОАНН (Снычев):

«Да не смущается сердце ваше...» – эти слова, сказанные некогда Господом Иисусом Христом в ободрение Своим оробевшим ученикам, необходимо сегодня помнить всем, болеющим душой за истерзанную смутной Русью. Ненависть и предательство, изуверская злоба и лицемерная лесть, лукавые посулы и циничные угрозы – все это не раз пускалось в ход против России и не раз еще встанет на нашем пути к Русскому Воскресению. Дьявол, сатана – «враг рода человеческого» – до скончания века не уйдет свои богоборческие порывы, не откажется от намерения истребить в людях благодатную искру Божественного духовного огня, но ...

«Дерзайте, яко Аз победих мир» (Иоан. 16, 33) – удостоверял Спаситель верных своих в конечной победе добра и правды. Сказано это апостолам девятнадцать веков назад, сказано оно и нам – борющимся сегодня за возрождение Святой Руси. «Имеющий уши – да слышит» – сей пламенный Отчий призыв.

* * *

«ТЮМЕНИ ЛИТЕРАТУРНОЙ» – 35 ЛЕТ!

Дорогой Николай Васильевич, уважаемые авторы и читатели «Тюмени литературной», разрешите от имени Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России передать привет и сердечные поздравления с берегов Невы газете-юбилейше, которая, несмотря на свою молодость, пережила сложнейшие времена и выдержала испытания на прочность. У газеты тысячи почитателей в Западной Сибири и за её пределами. И это главное её достижение.

Номера газеты, которые и при малых тиражах доходят до Санкт-Петербурга, читаются с большим интересом, поскольку отражают подлинную жизнь русского народа – народа-победителя, народа-труженика, народа-певца, который, несмотря на всяческие ухищрения, не лишился ни исторической памяти, не забыл о своей национальной принадлежности и остается государствообразующим народом. И это не почетная роль, а ответственная миссия. На обложке газеты неслучайно провозглашено – «Тюмень литературная» – газета русской литературы и культуры, той самой, которая веками воспитывала в человеке лучшие качества. Именно культура в смутные времена соединяла народы России в единое целое. Именно русская литература остается языком межнационального общения. Об этом невольно вспоминаешь в год, провозглашенный годом русского языка.

Мы рады, что время от времени на страницах вашей газеты, печатаются не только местные авторы, но и писатели, проживающие к западу от Урала и к востоку от Енисея.

Нам дорога ваша сибирская широта и ваш тюменский меридиан, тот перекресток, где рождается газета. Нам дороги люди – поэты, прозаики, публицисты, благодаря которым газета жива.

Прошло 35 лет с того дня, как 20 июля 1972 года появился на свет первый номер газеты, а сегодня число вышедших номеров приближается к сотне.

Мы желаем редактору газеты Николаю Денисову и впредь неиссякаемой энергии и долгих лет жизни вместе с «Тюменью литературной», бескомпромиссно защищавшей вечные ценности России. Нам памятно яркое поэтическое выступление Николая Денисова в Свято-Духовном центре Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры.

Убеждены, что и впредь духовность России будет полниться Сибирью литературной, где у нас много единомышленников, добрых и верных друзей.

Писатели Санкт-Петербурга: Б. Орлов, А. Люлин, В. Скворцов, Г. Горбовский, Н. Коняев, Н. Астафьев, Ю. Шестаков, И. Сергеева, В. Царева, Л. Гладкая.

На снимке: на этом месте, в деревне Борьба, 13 марта 1943 года немецкие фашисты заживо сожгли 287 мирных русских жителей. Слева направо: у памятного знака земляки-смоляне А.М. Петрачков, Е.Ф. Иванов, Е.Ф. Бычков, В.Т. Фомичев, И. Соколов. 9 мая 2007 года.

по сравнению с его кнутом силы. Иногда мне кажется, что наш русский самолет, национальное бытие, вошел в такое пике, что уже не выйдет из него. Порой думаю, люди будущего, исследуя его гигантскую катастрофу, лишь по «черным ящикам», вроде моего сегодняшнего выступления перед земляками-смолянами (и в газете «ТЛ» – ред.), будут иметь некоторую возможность знать о её причинах.

* * *

Священной памяти 287 заживо сожженных гитлеровцами мирных жителей в деревне Борьба моего района на Смоленщине.

*Не могу больше видеть все это,
Я, наверно, от боли умру.
Посмотри, исчезают бесследно
Вековые культура и труд.
Пустыри, словно после Мамаю,
Где столетия жил человек.
Лишь травища забвенья густая
На подворьях, погостах, у рек.
Здесь красавцы, красавицы громко
Заявляли давно о себе.
Что ж позиции сдали потомки,
Что же в нашей случилось судьбе?
Здесь любили, врагов усмиряли,
Землю не жили – каждую пядь.
Ныне местной Хатыни едва ли
Место в зарослях можно сыскать.
Как же горе такое не помнить?
О, какая увиделась жуть!
Поскорее на помощь, на помощь!
Наша Родина ранена в грудь.*

От редакции: Автор опубликованного выше материала Владимир Тимофеевич Фомичев – известный русский поэт, автор многих книг стихов и публицистики, член Союза писателей СССР и России, редактор легендарной газеты «Пульс Тушина», в семидесятых годах жил и работал в г. Советский Тюменской области. С той поры является постоянным автором «Тюмени литературной». В настоящее время живет и работает в Москве.

Тюмень литературная

ЖИТИЕ СЕМЬИ ВОЛКОВЫХ

Отважиться на повествование о семье Волковых да еще, так сказать, с художественным уклоном, теперь уже не просто, как бывает при нехватке «фактажа». Так я понимаю, прикидывая и взвешивая обозримый материал, что успел попасть в мои руки – зачастую мимоходом, без каких-либо видимых усилий по его «добыче». Живем бок о бок, ночуем под одной крышей. Сей эмигрантский (европейский и южно-американский) материал как бы сам собой растет, копится. Подробности, житейские приметы множатся, как и нескончаемые подначки и шуточки моего восьмидесятипятилетнего, отнюдь не ветхого (правда, он сам нет-нет да «зацепит» со вздохом свои высокие года) крестного, с коими, просыпаясь на утренней зорьке, он тотчас, спускаясь в мой или подвальчик-барчик, побранивая «холодное» утро, как, мол, я в Сибири этакое терплю, зовет «выпить кофейку по глоточку», оберегая сон «бабы Кати».

За дни, а теперь уж и за месяцы наших домашних и дорожных общений, разговоров, также многолетней переписки – материала поднабралось столько, что часть его пришлось уже отдать книге моей «Огненный крест». Другую часть, не мудрствуя с сюжетными «ходами», решаю сейчас же просто-напросто вложить в уста рассказчика, не руша простецкого колорита этих рассказов, их разговорно-телеграфного стиля, поскольку и Волков Георгий Григорьевич понимает, распалась порой и повествуя о том или другом событии, что мне в моем не столько художественном, а событийном, репортерском интересе факты важнее всего. Понимаю и я, что за кратким информационным сообщением, тем или иным событийным фактом стоит не развернутая в красках и художественных подробностях картина происходящего или произошедшего. Зато у читателя есть возможность самому дорисовать не дорисованное. Как сказал один российский поэт начала двадцатого века об известной, знаковой мировой фигуре: «Века уж дорисуют, видно, не дорисованный портрет...»

1

...Мой отец Григорий Волков остался сиротой, когда было ему девять лет. Семья жила в Киеве. И когда бабушка моя, мать отца, осталась одна с тремя детьми на руках, решила переехать в Москву, где жили наши родственники. Домик у них деревянный был в селе Хорошево. (Теперь там почти центр города, название деревни сохранилось в Хорошевском шоссе). И когда бабушка переехала туда, то сразу занялась огородом, выращивала капусту, огурцы, другие разные овощи заготавливала для детей-сирот, торговала также этими овощами на базаре, чтоб поддержать семью.

Отец же в это время бегал заниматься в Московскую консерваторию. Пока он учился, подрабатывал – в других семьях давал уроки музыки детишкам. В десятом, примерно, году или чуть позже он закончил обучение по классу военных дирижеров. И его послали на лето поработать в оркестре курортного города Кисловодска.

С матерью моей он познакомился во время учебы еще, её семья жила рядом с консерваторией в своем доме. Отец матери был главным управляющим имений у Рябушинских. Познакомились. Поженились. До Первой войны дело было.

Как мне известно, в сентябре четырнадцатого года отец вернулся в Москву, пошел доложить в консерваторию, которая посылала его в Кисловодск. Директор консерватории, известный композитор Ипполитов-Иванов и говорит: «Волков, война идет. Тебе надо идти на войну!» Отец в ответ: «Ну что ж, пойдем повоюем!» А директор: «А ты не будь, Волков, дураком. Зачем тебе в окопы лезть, когда можешь что-то получше выбрать. Вот идет набор на ускоренные курсы офицеров, поспеши».

Отец прямо из консерватории побежал записываться на эти курсы. Прибежал, там ему и говорят: «Последний день! Записывайся прямо сейчас и оставайся! Или – разговор окончен!»

Отец записался и остался. С вестовым послал матери записку: «Завтра приходи на плац, меня увидишь, я буду маршировать!» Так было. Это я помню из рассказов отца.

Ну и месяцев через шесть-восемь обучения при Александровском училище отца выпустили в пехотный полк, который стоял в Финляндии. Поскольку отец был женат и у него были дети, мои старшие брат Анатолий и сестра Галина, на передовую, в бои, не послали. Но у отца моего характер был резкий, вспыльчивый. И, поторчав какое время в тылу, он вспыл перед командирами: «Мои братья борются на Западном фронте с врагом, а мы сидим, лодырничаем в Финляндии!» Стал настаивать, чтоб его перевели в действующую армию. Его перевели под Ригу, где немцы наступали.

Отец вспоминал потом: «Иду искать свой полк. Прохожу через лес. И меня окликают: «Волков! Ты куда идешь?» – «В пехотный полк». – «Ты не будь дураком, Волков, иди к нам, мы летчики, мы летаем!» Это друг его московский окликнул. А отец в ответ: «Я же не летчик...» – «Но ты же офицер. Будешь на самолете наблюдателем!»

Отец остался. И стал летать наблюдателем на стареньком самолете французской фирмы «Ваузен». Но не просто наблюдал в воздухе, что на земле делается, при нем еще пулемет был и ящик с бомбами. Не раз бомбили Ригу, занятую противником. Отец отвинчивал запалы от бомб и через «борт» кидал их на город. Однажды произошел случай, когда самолет, летчик и сам он едва не погибли. На них налетел немецкий истребитель и стал атаковать. Отец какое-то время отстреливался из пулемета. Потом пулемет «заело». Немец заходит в новую атаку. Что делать? Достал наган из кобуры стал отстреливаться из нагана. Промазал. Немец тоже промазал. Но снова стал заходить в атаку. Отец думает: всё – пропали! Событь теперь. Но у немца, видимо, горячее кончалось, пошел на снижение... Вот так спасся отец. И самолет с летчиком спасся. Дело зимой было. Перемерзли вконец, но приземлились благополучно на своем аэродроме.

Потом другой случай произошел. Немцы артиллерией обстреляли их аэродром. Отца сильно контузило. И его послали на лечение в Москву. Это был уже шестнадцатый год. А через год родилась другая моя сестра – Ольга.

Когда отец вышел из госпиталя, направился в свою часть, чтоб вернуться на фронт, начальство ему говорит: «Подожди, Волков! На фронте неладно. Солдаты бунтуют, убивают офицеров. Сиди пока...» Это был уже семнадцатый год. Государь уже отказался от престола.

Потом пришел восемнадцатый год. Красная власть. Подвоза продуктов нет. Голод в Москве. И чтоб не голодать, отец решил направляться всей семьей в Киев, где еще оставались родственники и условия жизни были там полегче. Ну, ушли в Киев не все. Бабушка в Москве осталась, младший брат отца и младшая сестра.

Поезда тогда ходили кое-как. Добирались до места долго. В пути отец снял погоны, потому что красные снимали с поездов всех офицеров при погонах и расстреливали.

Добрались. А в Киеве уже полным ходом шла борьба: красные – белые. И отец, поскольку он был офицером, попал к белым. Началось отступление на юг. Где-то как-то отец получил лошадей с телегой, вестового, несколько солдат в своё распоряжение. Усадили маму с детьми в телегу, поехали. Отец шагал впереди. Доехали до казачьих мест, оказались в какой-то деревне или хуторе. Никого нет, все попрятались.

Все пусто. На краю селения обнаружили болото с густым камышом. И вовремя. В это время показался разъезд красных конников. Отец взял винтовку, сказал солдатам: «Братцы, за мной!» Кинулись в болото. Воды почти по горло. Холодная. Залезли в густые камыши, оставив телегу и семью, еще двух солдат на берегу. Красные вскоре прискакали, порубили оставшихся возле телеги солдат, семью не тронули. Постреляли по камышам и вновь ускакали...

Повторяю, что все говорю со слов отца, когда он еще был жив, мы проживали в Сербии, а я был мальчонкой, учился в кадетском корпусе... Ну так вот – в начале двадцатого года семья наша, отступая с армией Деникина, оказалась в Крыму. Двадцать пятого апреля, в больнице Симферополя, я появился у мамы на свет. Отец в это время, естественно, служил в белой армии, где к ноябрю случилось полное отступление. Во главе русской армии уже генерал Врангель был. За Врангелем оставался только Крым, большие земли за русской армией не было. Перекоп сдали... Эвакуация, о ней много написано. Но вот как рассказывала мне мать об этом.

В Севастополе у пристаней и на рейде стояли гражданские суда и военные корабли, беженцы – солдаты, гражданские семьями грузились на них. Все пароходы были перегружены и оставшихся на пристани уже не брали. Отец побежал в комендатуру за разрешением на посадку. Дали не сразу, расспрашивали – где служил, участвовал ли в боях? Гражданским, как я сказал, уже не давали разрешения на посадку, а военных старались спасти...

В этой суматохе так случилось, что и мать наша отлучилась куда-то со мной на руках. Оставила на пристани старшего моего брата, которому было семь лет и сестру, ей было три годика, возле мешка с пожитками. В мешке была обувь. А вокруг сновали-бегали мародеры, шпана всякая. И вот семилетнему брату захотелось посмотреть на военных трубачей, которые тоже стремились попасть на пароход. Посмотрел братик, вернулся, а мешка с ботинками уже нет. Так и поплыли за море мои братик и сестра в валенках, в которые их накануне обула мама.

На пароход нас с помощью матросов поднимали на веревках, трапы были уже убраны...

Доехали до Константинополя. Встали на рейде. Долго стояли.

Однажды у нас на пароходе появилась делегация из сербов. И говорят они: «Кто хочет попасть в Сербию, милости просим! Братская Сербия принимает русских беженцев».

Наша семья, еще несколько семей – перебрались на маленький сербский пароходик, который довез нас по Адриатическому морю до порта. Там находился лагерь Бокакаторский. Выгрузились на берег, поселились в этом лагере беженцев.

Через какое-то время опять приходят сербы и спрашивают: «Русские, у вас есть дирижер оркестра? Мы живем на острове, имеем свой оркестр. Был у нас один австриец-дирижер. Но он уехал. Остались без дирижера. А так нельзя!»

Замечу, что в те времена в Югославии каждая сколько-нибудь уважающая себя деревня имела свой оркестр, особенно деревни прибрежные, где люди проводили летние каникулы.

И отец перебрался туда с семьей. Это был остров Шольпе в теплом Адриатическом море. Вот там и родился мой брат Павел, который у нас тут, в Каракасе, сейчас священником, настоятелем храма Святого Николая на Дос Каминос, где, замечу, тебя крестили в 91-м... Павел был уже пятым ребенком в семье. Я был четвертым.

Что сказать об этом острове? Для жизни там никаких перспектив не было. Так, рыбацье место, больше ничего. Даже воды питьевой не было. Воду во время дождей собирали в цистерны, ею и пользовались до нового дождя.

И вот через какое-то время отец говорит: «Ничего тут

Г. Волков и Н. Денисов. Кадетский уголок

хорошего не будет. Надо перебираться в центр, в Белград!» Взял семью, добрались до берега, потом на поезде приехали в столицу страны. Устроились на жительство на самой окраине, у крестьянина – в его сарае. Отец всегда так делал – устраивался не в хате, где обычно клопы, блохи, а где-нибудь на дворе, где эта зараза не водилась.

И вот начал отец бегать по министерствам, чтоб получить работу. Музыканты пока нигде не требовались. Взяли на железную дорогу рабочих. Но он все напоминал о себе как о музыканте. Наконец, повезло. Приняли в среднюю школу преподавать. Но не в самом Белграде, а послали на юг Сербии – в Македонию. Там не хватало не только музыкантов, но и учителей другого профиля. Поэтому очень часто директор школы просил: «Волков, подмени учителя математики...» Подменял. «Волков, замени учителя истории...» Вы, мол, русские, говорил директор, все знаете!

Замещал даже учителя рисования. Куда денешься? Хотя отец, как он рассказывал, даже корову, например, не умел сносно нарисовать.

Русские в Сербии оказались на все лады мастерами. Границу, например, сербскую охраняли или чинили водопроводные системы, крестьянствовали – виноград выращивали, свинофермы заводили. И все получалось у русских.

Вера православная была у нас одна. И, конечно, русские ходили в церковь. Отец у меня был очень набожным человеком, в церковь ходил постоянно, пел на хорах. Мама моя тоже имела хороший голос. На рояле играла.

Но семья часто переезжала с места на место. Где была работа, туда и ехали. В 1926 году попали мы в одно курортное местечко. Там было несколько церквей, но священников не хватало. Отцу и говорят: а почему бы вам самому не стать батюшкой, ведь вы очень набожный человек? Отец не долго размышлял и согласился на предложение поехать в Белград на учебу. Там были русские епископы, что возглавляли беженскую церковь. И отец там подучился. Его рукоположили. Потом его принял сербский владыка Варнава. Учился он когда-то в российской православной академии, к русским относился очень хорошо. Он и дал приход отцу. Небольшой, захолустный, но свой приход. И мы поехали туда.

Время шло, дети у отца подрастали. Пришла пора учиться Анатолию и Ольге. Старшего брата отдали в кадетский корпус в городе Белая Церковь, Ольгу – в Мариинский институт. Эти учебные заведения были эвакуированы в 20-м году из России.

Подрос и я. И тоже отдали в кадетский корпус – в том же городе Белая Церковь. Проучился не до конца, только четыре года, но не забуду никогда это время!

Но вот наступила пора, когда разбросанные по сербским городам русские кадетские корпуса объединили в один в Белграде, и повысили плату за обучение. Отец сказал, что служа

в захолустной сельской церкви, ему очень трудно оплачивать учебу двух сыновей и дочери, Анатолий и Ольга были уже студентами университета. И он послал меня тоже в Белград – в бесплатную гимназию. Нам, трем студентам, родители приобрели небольшой домик на окраине Белграда, там мы и обитали. Мама приезжала, обстирывала нас, возвращалась к отцу в деревню.

2

Едва закончил я гимназию, едва поступил в университет на строительный факультет, как началась война. Шестого мая сорок первого года немцы начали бомбить Белград. Мы с братом находились в это время дома, во дворе, было воскресенье, подумали, что идут военные маневры. Но когда прямо на нас со страшным воем посыпались с небес бомбы, мы бросились на землю, закрыли руками головы. Одна из бомб разорвалась неподалеку, метров за двести от меня, снесла половину домика соседей. Счастье, что дети и взрослые из этого домика находились в подвале. Смотрим, они выходят все бледные наверх. Дым кругом, копать... И мы с братом ходим как потерянные в этом дыму.

Через несколько дней немцы заняли Белград. Сначала было все спокойно, но потом начались аресты, облавы. Особенно на молодежь. Студенты часто убивали немецких солдат. За каждого солдата захватчики вешали десять человек, за убитого офицера расстреливали сто человек. Немцы арестовывали сербов да и русских прямо на улицах – первых подвернувшихся под руку. Я мог попасть в это число в любую минуту...

Да, мое положение в эти дни было незавидное. Я всегда помнил слова своего отца, который воевал против немцев и говорил, что немцы никогда нашими друзьями не были и не будут. К счастью, я знал немного немецкий язык и как-то решился обратиться к одному немцу-офицеру: что мне делать в таком положении? Он мне сказал, что у меня нет выхода, кроме как идти в партизаны и там погибнуть, либо в городе умереть с голоду. И посоветовал, поскольку я немного говорю на немецком, записаться на работы в Германию. Мол, там буду работать на строительстве, мне дадут кусок хлеба и койку.

У русских эмигрантов выбор был небольшой. Кто не хотел идти в коммунистические партизаны к Тито, шел в Русский охранный корпус. Другие шли в четники, которые были за короля, но против немцев, но некоторые были и за немцев, но против Тито. Словом, русские эмигранты попали в такую кашу-заваруху, в которой разобраться было непросто.

Брата Анатолия немцы мобилизовали сразу. Сказали: вы не военнопленный, но вы мобилизованы. Послали работать на фабрику по починке самолетов.

Я попал в группу русских, которая поехала на работы в Германию, привезли нас на строительство Дворца Мира в Нюрнберг. Оттуда, из Дворца этого, узнали мы потом, Гитлер после победы своей, собирался править всем завоеванным миром. Поселили нас в бараки, заставили работать кирками, лопатами. Немец-бригадир, узнав, что я говорю на немецком немного, сказал мне: оставь свою лопату, будешь мне помогать вести журнал учета.

Наступила очень тяжелая и морозная зима. Немцы подошли к Москве и потерпели там поражение. Всех, кто мог идти в Германии на фронт, мобилизовывали. На их место ставили иностранных рабочих – французов, бельгийцев, югославов, болгар, русских военнопленных.

К весне я разболелся. Плеврит, отек легких. Положили в больницу. Удивился: лечили наравне с немцами. Пролежал полтора месяца, выписали. Доктор мне говорит: надо бы еще тебе отдохнуть. И мне дали разрешение поехать в Югославию. Пробыл там все лето, даже осень прихватил. Жизнь в Белграде была очень тяжелая. За хлебом приходилось вставать в два часа ночи, простаивать возле пекарни до семи утра, затем вместо хлеба выдавали на руки по

полкилограмма кукурузной муки, так как у пекаря не было дров на топку печи. С кулечком муки мы шли домой, делали мамалыгу и этим питались.

Вернулся на работы, но не в Нюрнберг, а в Вену, где, узнал дома, у меня были друзья по гимназии... Прихожу на биржу труда, говорю: я ехал транспортом на место прежней работы. На остановке вышел покурить, а поезд ушел. Что мне делать теперь? Показал свой паспорт. И меня направили в пригород, на авиазавод, где делали «Хейнкели – 111», которые нас бомбили в сорок первом году.

Поселили меня в лагере, где жили чехи, французы, отдельно русские военнопленные. Я со знанием немецкого стал заведовать тремя бараками. В обязанности мои входили бытовые заботы, то есть чтоб у каждого была своя койка, матрас, два одеяла и подушка. По субботам я получал на «своих» специальные карточки на питание. В подчинении у меня был писарь, чех, который имел не только красивый почерк, но и был очень симпатичный, порядочный парень.

Проработал здесь недолго. Однажды в городе встретил своих школьный друзей, они и говорят: «Волков, ты что дурака валяешь? Иди к нам!» Ребята эти учились в Венском университете. Помогли устроиться и мне. На фабрику не вернулся. Пропал человек, пропал. Кто искать будет?

Ну, словом, с помощью друзей, а я встречал их потом и здесь, в Венесуэле, стал я студентом. Удостоверение, что я студент, давало право на жительство в Вене и на продуктовые карточки. Чем мы занимались? Спекуляцией. На занятиях раз в неделю появимся и опять добываем свой кусок хлеба. Какая учеба в голову пойдет, когда уже красноармейские и американские бомбы с неба падают. Сорок четвертый год. Позади Сталинград, позади Курская битва. Красная Армия уже в Европе. В Румынии, в Польше, в Болгарии... Из Белграда сюда, в Австрию, бегут все наши русские эмигранты... Вена стала центром беженцев из восточных стран и из Югославии.

А я еще в сентябре сорок четвертого успел проскочить в Белград, чтоб повидаться и, может быть, попрощаться со своими родными. Там у меня находились мама, братья, сестры. Папа пропал без вести в сорок третьем году, его увели партизаны-титовцы, и мы не знали где и как его расстреляли. Ведь он жил в ту пору в деревне, служил в церкви. Пришли, увели и – концов не найти. Так погибли многие русские эмигранты, особенно из числа священнослужителей, которые жили по мелким и глухим местам...

До сих пор удивляюсь: как мне тогда удалось пробраться в Белград? А на немецком военном самолете. Чудо. Я был в штатском, военную форму я никогда не носил. У меня был запас папирос в пачках. Они и помогли. Немцы взяли меня в военно-транспортный самолет, «свозили» туда и обратно. Это было в сентябре, как раз уходил последний эшелон с русскими – эвакуировался в Вену кадетский корпус, в котором я когда-то учился. А в октябре Белград уже заняли части Красной Армии.

Таким образом, в Австрии образовалась большая русская группа, возглавлял её белый генерал Крайтер. Возле него было создано подразделение, точнее, комитет по защите русских... от немцев. И хотя к той поре немецкие власти признали генерала Власова и его РАО – освободительную русскую армию, но на фабриках немцы часто, буквально, издевались над русскими рабочими. Ну опять со знанием языка я попал и в этот комитет по защите. Меня то и дело посылали: «Волков, походи на такую-то фабрику, там наших немцы обижают, разберись!» Шел, разбирался.

А Красная Армия неудержимо наступала. Мне мой начальник как-то и говорит: «Волков, скоро нам нужно будет бежать из Вены! У нас масса беженцев, в основном, семейные. Мы пойдем к итальянской границе. Вот тебе бесплатный билет на все железные дороги, которые идут на юг, поезжай туда, на юг, постарайся найти пустующую школу или другое большое помещение, куда мы бы могли эвакуировать людей».

Не тут-то было. Южную часть Австрии уже заняли части Красной Армии, отрезали от нас Италию и мне пришлось возвращаться обратно. Северной дорогой. Доехали до какой-то станции, дальше пути оказались разбитыми. Вдалеке, над Венной, сполохи огня, оружейные раскаты. Ночь. Я с группой немцев добрался до Дуная. По берегу шла широкая дамба, по которой отступали немецкие части, шли раненые, шли гражданские пешие с мешками, рюкзаками. Передвигались, кто как мог, даже в инвалидных колясках. Беженцы из Вены.

Я все же вознамерился прорваться в город, но меня остановили: поздно! Красные занимают город. Что делать? И как быть? Увидел колонну немецких грузовиков с солдатами в кузовах. Один грузовик буксировал снарядный ящик, на нем сидели солдаты. Другая машина тянула пушку, у которой пустовали два сидения для артиллерийского расчета. Машину остановил патруль. Немцы что-то «полаяли» меж собой, колонна двинулась дальше. Я вскопчил на одно из сидений пушки – в шляпе, в штатском пальто. Никто из солдат не среагировал, а могли бы запросто и пристрелить, как шпиона ликвидировать.

Проехали так километров двадцать пять. Я подумал, что надежнее будет соскочить и пробираться дальше пешим ходом. Через какое-то время оказался в городе Линц на Дунае. Опять – с поезда на поезд – ехал, сам не зная куда. Вокруг было еще достаточно тихо и окрест простирались прекрасные виды. Горы, долины, поросшие лесами. От кого-то услышал, что в Баварии есть «открытый город Кемптон», где собираются русские беженцы. Двинулся пешим порядком. И, наконец, оказался в этом городке Кемптон, который вскоре заняли американские войска.

В Кемптоне, находясь в лагере для беженцев, пережил первую проверку: не подлежу ли я выдаче в СССР по Ялтинскому договору? Доказал, что я до 1939 года жил в Югославии, и меня отпустили. А вот некоторые из русских, кто попадал по условиям договора на выдачу, резали себе вены, травмились, лишь бы не возвращаться в СССР, знали, что их ждут там гуглаговские лагеря. Американские солдаты недоумевали, почему это русские не хотят ехать к себе домой? Один американец сказал, что он вот сейчас бы с радостью поехал домой, где его ждут родители, невеста... И еще добавил, что, мол, если кому не нравится президент Сталин, то голосуйте против него на следующих выборах, изберите другого президента!

Несколько месяцев обитал я в американском лагере для беженцев, пока не услышал, что в Мюнхене открывается университет для иностранцев и туда набирают молодых людей разных национальностей. Бросился туда и записался на зубо-врачебный факультет. Приняли легко да еще засчитали учебу в прежних учебных заведениях.

3

Об этом университете для иностранцев, который организовали сами эмигранты под покровительством американских оккупационных властей, скажу поподробней. Во-первых, там был очень хороший и высококвалифицированный состав преподавателей: из России, Украины, Литвы, Югославии. В основном, профессора, доктора наук, опытные специалисты.

Вспоминаю профессора Раевского из Харьковского медицинского института. Именно он организовал в Мюнхенском университете зубо-врачебное отделение. Когда я записался к нему, он мне говорит: «Волков, у нас нет места для занятий! Как нам бы добыть подходящее помещение?»

Недалеко, где я устроился на частную квартиру, находилась четырехэтажная школа. Занятий в ней еще не было. Пришел туда и спрашиваю: нет ли у вас места под зубо-врачебный факультет? А мне школьный директор в ответ: есть! Мол, есть пустой подвал, где было бомбоубежище. Посмотрели: там и парты стоят, и доски школьные на стенах

сохранились. Нужно было снять защиту с полуподвальных окошек, разминировать, сделать приборку. Я доложил об этом Раевскому. И вскоре нашли немцев-специалистов по разминированию, нашли рабочих, дали им по несколько пакетов продуктов, они все сделали, как нужно. Получилось хорошее, сухое помещение, где мы приступили учиться зубо-врачебному делу.

Американцы дали «экипировку», то есть необходимое оборудование. Мы и сами помогали Раевскому, профессору хирургии и организатору отделения, доставать необходимое. Замечу, что на зубо-врачебном отделении преподавало несколько других знаменитостей. Например, профессор Яцута из Киева, мы по его учебникам обучались. Помнится женщина-профессор, которая до войны была послана учиться из СССР в США, по возвращении на родину была запозорена в чем-то энкавдистами, сослана в Казахстан на много лет. И вот тоже как-то оказалась среди наших преподавателей...

В сорок восьмом году был первый выпуск, который вместе со мной окончила и моя Катя. Там же, в университете, мы познакомились, поженились и после выпуска оказались в Венесуэле, прилетев сюда на американском транспортном самолете. Как и многие прибывшие сюда русские, прошли через лагерь Тромпильо...

Тут, полагаю, надо рассказать немного о семье Кати, родословная её экзотичная и интересная, скорее трагично-интересная. Отец Кати, Иосиф Иванович Сабо-Сыч, был венгр, попавший в 1915 году в русский плен. Его отправили на работы в Сибирь. А в 1917 году, когда военнопленные возвращались на родину, Иосиф Иванович задержался в Ростове-на-Дону, разыскивая могилу брата, умершего там от тифа. Познакомился с русской девушкой ростовчанкой Серафимой Петровной Христенко. Полюбились, повенчались. И остался бывший пленный в Ростове-на-Дону, стал работать там по своей гражданской специальности – дамским парикмахером. Родили троих детей – Анатолия, Екатерину, будущую мою жену, и Аннушку. Дети окончили советские школы, поступили в высшие учебные заведения. Время было тревожное, репрессивное. Иосифа Ивановича спасало при всяких чистках и проверках то, что он по паспорту был гражданином Венгрии, и, конечно, то, что обслуживал в парикмахерской всю дамскую элиту города, которая выручала его из неприятных ситуаций. Но все равно, как рассказывала потом Серафима Петровна, у неё всегда был припасен чемоданчик для мужа, на случай его ареста.

А случаи такие возникали. Как-то, в 1934-м году или чуть позднее, вызвали Иосифа Ивановича в органы и дали на подпись бумагу, в которой он якобы отказывался от своих родственников в Венгрии, с которым до сей поры вел переписку... Кстати, в те же годы и мой папа в Югославии получил последнее письмо из России от брата и сестры, которые сообщили о смерти мамы и еще о том, что «им хорошо живется, и чтоб он им больше не писал». Папа долго переживал – как это дорогой брат и сестра отказываются от своего брата!?

Пришла новая война, Ростов был быстро занят немцами, население не успело эвакуироваться. Но вскоре опять пришли на очень короткий срок красные. При новом наступлении немцы вновь заняли город и – надолго. Однако Иосиф Иванович, взяв семью, успел отступить в Кисловодск, где у него были знакомые. Станция тупиковая, места тихие. Начал работать. Старшего сына призвали в Красную Армию, попал он в саперные части. Дочери тоже устроились работать. Казалось, здесь можно было пережить трудные времена.

Но и сюда, в Кисловодск, дошли немцы. Знание языка помогло Иосифу Ивановичу и при немцах держать парикмахерскую, куда часто заходили немецкие дамочки. Девочки, дочери Иосифа Ивановича, Катя и Аннушка продолжали работать при больнице, так как раньше, в Ростове, они начинали учиться на медицинском факультете.

При отступлении немцев с Кавказа Иосиф Иванович, поскольку он был венгерским подданным, взял семейство, тоже отступил – через Керчь, Крым и далее, в конце концов оказался с семьей в Берлине. А затем при наступлении Красной Армии семья Сабо-Сыч бежала в Мюнхен, где мы и встретились с Катей на зубо-врачебном факультете. Катя всегда была прилежной, аккуратно и хорошо записывала лекции, я же нередко «промышлял» в городе, то есть занимался добычей средств на жизнь. Но по практической части зубо-врачевания уже я помогал Кате. Так, помогая друг другу, мы и окончили медицинский факультет...

Вернусь к первым дням жизни в Венесуэле. Из лагеря Тромпильо, благо, что у нас был адрес одного русского, знакомого по Мюнхену, сев в автобус поехали с Катей в Каракас. Нашли соотечественника. Он прилетел раньше нас, устроился в городе, то есть арендовал кусок двора у венесуэльца, загородил его птичьей сеткой, поставил строгальную машину, электропилу, занялся столярным делом. Нам он помог купить топчан с сеткой, мы бросили на сетку картонки, постелили наши плащи – и вот у нас жилье!

Стали интересоваться – кто еще из русских приехал в Каракас? Оказалось, что русских уже много здесь и прибывают, прибывают. К моему удивлению, услышал много фамилий, знакомых мне по кадетскому корпусу и по белградской гимназии...

Дальше можно рассказывать про местечко Гуаздуалито, это джунглевая и болотная глушь страны, в 1200 километрах южнее Каракаса, куда мне в министерстве здравоохранения как специалисту-медику предложено было ехать на работу. Когда один из местных врачей узнал о моем назначении, он сказал, что это край света и никого там кроме крокодилов, обезьян и змей нет, что придется вырывать зубы только коровам, так как это животноводческий район.

Мне было двадцать семь лет, у меня была молодая жена, так что нам было море по колено. И мы поехали.

Мне одолжили сто боливаров, сумма хорошая по тем временам, в министерстве здравоохранения нам выдали бесплатные билеты на самолет. Шесть часов полета с короткими посадками. На одной из посадок нам предложили выйти на пустое поле, самолет полетел дальше.

Подошел коричневый индеец. Взял наши чемоданчики, положил их на двухколесную крытую арбу, куда предложил залезть с моей Катей. Понукал быка и арба медленно двинулась пыльной дорогой. Следом, закатав штанины, следовал я. По обе стороны дороги стояли заросли очень рослой осоки, из которой в любую минуту, как мне казалось, мог выскочить тигр или броситься на меня змея.

Где-то через час движения нашего появились глинобитные хижины Гуаздуалито, второго города штата Апурэ после его столицы Сан Фернандо. Называть эту дыру городом было чересчур шикарно. Возница передал нас городскому голове, который повел нас в наше жилище: глиняную мазанку с земляным полом и крышей из пальмовых листьев. Никаких признаков мебели и иной обстановки в хижине не было. Я спросил, а где же мы будем спать? Городской голова сообщил, что у нас не было и гамаков, которые имеют в этой стране все, возят с собой, при необходимости подвешивают гамаки на ветках дерева или на специальные крючки в хижинах, спят в гамаках.

Далее голова подвел меня к негру в военной форме, который сидел в тени дерева около глинобитной казармы с гарнизоном в 150 человек. Это была пограничная служба. Гуаздуалито – пограничный городок, в шести километрах от него протекает большая река Араука, за которой простирается страна Колумбия.

Негр оказался начальником гарнизона, майором Суритой, который, уяснив мое затруднение, крикнул что-то солдатам. Принесли две раскладушки, с которыми я вернулся к жене в нашу отдельную хижину.

Потом на пороге появился смуглый человек, представил-

ся здешним ветеринарным врачом. Выслушав наши сетования на смеси французских, английских, немецких слов, а больше из жестов – он уяснил, что у нас нет ничего: ни постельного белья, ни кухонной утвари и что денег тоже практически нет.

Ветеринар взял меня за руку и привел в торговую лавочку, поговорил с её хозяином. И тот широким жестом, улыбаясь, показал нам на содержимое его торгового заведения, мол, можете брать все, что пожелаете, расплатитесь потом. На радостях я взял два байковых одеяла, две кастрюльки, две тарелки, примус, а из снеди взял рису, макарон, масла и все это торжественно вручил моей молодой жене.

Так началась наша провинциальная жизнь. В «доме» была помпа, которая качала воду, непригодную для питья. Но каждое утро индеец на ослике привозил воду из реки в двух жестяных банках из-под кокосового масла. Эту воду отстаивали, кипятили и пили...

Но вернуться к началу. На следующий день по приезде в эти края пошел я в больничку – знакомиться с работой. Больничка эта была лучшим зданием городка-селения, выстроенная из цементных блоков, было несколько комнат для приема больных. Мне показали зубной кабинет, где находились раскладной стул-кресло, столик с керосиновой печечкой для кипячения инструментов, набор щипцов для экстракции зубов. Лечения зубов здесь не производилось и до меня, ввиду отсутствия электричества в этом селении-городке. Персонал больнички состоял из врача-терапевта, трех сестер милосердия и теперь уже из новоприбывшего зубного врача.

Был день первого ноября и старшая сестра мне объяснила, что это нерабочий день, что это день Всех Святых, приема нет. Следующий день оказался тоже нерабочим, поскольку отмечался как день почитания Всех Мертвых, живые в этот день тоже не работают. Я пошел домой, сказал Кате, что опять выходной у нас, но жалованье все равно идет. Правда, Бог знает, когда мы его можем получить, потому что процедура оформления нового работника тоже должна занять здесь значительное время. И все же наш лавочник нам улыбался, и мы продолжали пользоваться товарами лавочки, особенно съестными...

Работа моя тоже потекла в нормальном русле. Приходили местные пациенты, в селении было где-то дворов двести, приходили больные из всей округи, с хуторов, где занимались содержанием скота, земледелия не было, не мясные, не молочные продукты скотоводы покупали тоже в поселковой лавке. Так что лавочник здесь был особо важным и значительным человеком. Товарами он запасался обычно в сухое время года. Когда приходила первая машина с товарами, для селения Гуаздуалито был настоящий праздник. Сухое время года длилось до апреля месяца, дальше был ливневый период, дорогие раскисали, степь превращалась в болото и если не успел выбраться, то сиди вместе со своей машиной и жди с моря погоды.

Прошли два месяца моей работы и нашей жизни в долг. Жалованья не присылали. Вместо него мы получили известие из Каракаса, что из Европы прибыли мама и папа Кати, её родная сестра Аннушка с мужем. Я сообщил тестю Иосифу Ивановичу, что для него, дамского парикмахера очень высокой квалификации, как и для Аннушки-парикмахера, работы в провинции нет, поскольку местные смуглые дамы предпочитают щеголять с распущенными волосами. Посоветовал родным устраиваться в Каракасе. Им повезло, помогли русские, они сняли помещение и приступили к своему делу, которое в столице приносило ощутимый доход.

Постепенно мы с Катей познакомились в Гуаздуалито со многими людьми, очень симпатичными оказались врач местного гарнизона и его жена, которые взяли нас под свою опеку, заходили к нам, брали на прогулки, рекомендовали взять прислугу, поскольку в глазах местной публики считалось делом неудобным, когда жена зубного врача все в доме делает сама, даже ходит на бойню скота за мясом.

Занимательное это было зрелище, когда рано утром, пока не припекает солнце, люди шли на окраину селения покупать мясо. Покупая, женщины заворачивали мясо в банановый лист, мальчишки цепляли мясо за проволочные крючки, таким образом семейство с покупкой двигалось домой пыльной дорогой, следом бежали собаки и успевали слизывать свежую кровь, капающую с мясных кусков. Мальчишки радовались и старались поднять своими ногами побольше столбов пыли.

Надо сказать, что мясо было очень жесткое. Варить его приходилось часами, ведь резали только старых, выбракованных животных, резать молодняк, который мог дать приплод, было запрещено.

Скота в здешних местах было неисчислимое множество. Каждый год весной собирали огромные стада молодых бычков. Гнали их за четыреста километров в ближайший настоящий город Сан Кристобаль, где их перепродавали гуртами, хозяева скота никогда толком не знали количества, счет велся на десятки тысяч голов.

Несмотря на неудобства здешней жизни, наше пребывание в Гуаздуалито я бы назвал самым счастливым и спокойным за последние годы. Спать и не бояться, что налетят самолеты, начнется бомбежка, надо куда-то бежать и прятаться. А еще постоянное чувство голода, которое сопровождало нас в годы войны. Все это было в прошлом – минувшим кошмаром.

Когда в январе пришло первое жалованье, мы радовались, не веря этому чуду. Пошел и заплатил долг лавочнику, купил первую шоколадку и принес с гордостью моей Кате. Сразу же послал деньги родственникам в Каракас, понимая как им было трудно устроиться в новой жизни.

Привыкали и к тропическому климату. С утра обычно было прохладно, приходилось надевать свитер, к десяти часам начинался жар, а в два часа температура достигала тридцати трех градусов. Движение в селении замирало, каждый уважающий себя человек устраивал сиесту, то есть отдыхал до четырех дня, когда жар спадал, и жизнь обретала прежний порядок.

Конечно, в этот период года, то есть в засушливое время, вся трава в степи выгорала, живая жизнь ютилась возле реки, возле болот. В самих водоемах вода прямо-таки кипела от обилия рыбы, было много диких уток, зубастых крокодилов. К вечеру к воде приходили дикие свиньи, косули, можно было встретить и пятнистого тигра. Но очень часто в этот период года небо застилал дым, горела сухая трава в степи, огонь превращал степь в черное пространство.

Другое дело в пору дождей, в апреле начинает все оживать, зеленеет. Природа обновляется. Но в июле ливни бушуют уже каждый день, реки и речушки выходят из берегов, вода затопляет и степь. Пасущиеся стада ищут возвышенные места, куда вода не поднимается.

Но ближняя к поселку река тоже выходит из берегов, улицы превращаются в болота. И мне приходилось ходить на работу в высоких резиновых сапогах. Иногда за мной приплывал мальчик в индейской пироге и вез меня по улице в больничку. Часто туда приходили за помощью люди с покусанными ногами, так как в воде, которая заполнила улицы, плавали зубастые пираньи, хватая за ноги босоногих. Надо сказать, что пираньи водятся во всех южно-американских реках. И если нападут стаей на зазевавшуюся живность, оставляют от неё только скелет. А как быть скотоводам, которым нередко бывает необходимым переправить стадо коров на другой берег реки? В таком случае режут старую корову, пускают тушу по течению, все имеющиеся поблизости в реке пираньи набрасываются на эту тушу, то есть «отвлекаются», и в это время стадо коров переплывает реку или переходит вброд на мелких местах...

Моя хата всегда в такое время года была окружена водой, во дворе, как в аквариуме, плавали разные рыбки. Змейки и прочая тварь. Глиняный пол в хате, даже если туда не проникала вода, все равно размягчался настолько, что нога

оставляла глубокий отпечаток в глине. Но больше всего страдала куры, которые на ночь устраивались на деревьях, но не смогли сойти с них во двор, который находился под водой.

Наша связь с большим миром зависела от состояния травяного аэродрома, куда обычно два раза в неделю приземлялся самолет. В сезон дождей и летное поле превращалось в болото, и селение оставалось без почты, без свежих газет. Но стоило прекратиться дождю на пару дней, как аэродром подсыхал и связь с большим миром восстанавливалась. Тогда мы по дамбе делали километровую прогулку на речку, где стояло несколько домиков на сваях, в которых шла бойкая торговля, сюда на лодках подплывали жители из соседних хозяйств-хуторов, продавая разные продукты лавочнику-скупщику. Там, в торговом месте этом, узнал я как местные жители сохраняют очень популярный в Венесуэле твердый сыр, соленый, очень похожий по вкусу на брынзу. Сыр привозят в лодках с хуторов в виде больших кубов, выкладывают прямо на берег. Из коровьего помета и речной грязи приготавливается грязевая масса, которой со всех сторон обмазывается каждый куб сыра. Прикрытый травой и пальмовыми листьями, сыр в таком виде сохраняется до тех пор, пока подсохнут дороги и сыр везут на продажу в города. В Каракасе позднее я наблюдал, как сыр, сгружая его из грузовиков на тротуар, тут же поливали из шлангов, оттирали от грязи щетками, возвращая сыру первоначальный белый вид...

4

Вот так полтора года прожили мы с Катей в этом Гуаздуалито. Должна была родиться Оленька. И я решил отправить Катю к родителям, которые, как я уже упоминал, перебрались из Европы в Венесуэлу и жили в Каракасе в картонном доме. Но там был город, хорошие доктора, много удобств, а здесь у нас даже холодильника не было. Я посадил Катю в ту же арбу с быком и тем же возницей и привез на полевой аэродром...

В глинобитном домике, оставшись в одиночестве, теперь я чаще просыпался по ночам от шелеста бегающих по пальмовой крыше мышей, ящериц, других мелких тварей. Напротив поселился новый ветеринар, итальянец, тоже одиночка, и мы с ним подружились. У итальянца был казенный джип и он часто брал меня с собой в объезды по скотоводческим хозяйствам. В поездках по степи мы старались не выходить из джипа, поскольку одежда сразу покрывалась гаррапатами, то есть клещами всех сортов – от довольно крупных до микроскопических, невидимых глазом, но вызывающих страшный зуд. Натирались керосином, разными местными мазями, но все равно чесались после этих поездок добрую неделю.

В сентябре из Каракаса мне сообщили, что родилась дочка, но я не мог сразу полететь туда, стоимость полета равнялась половине моего жалованья. Проще было перевести эти деньги, чтоб помочь жене и маленькой Оле, хотя теперь уже я стремился оставить здесь работу, распрощаться с этой Гуаздуалитой и перебраться поближе к семье.

Стал просить начальство, чтоб меня перевели куда-нибудь хоть в окрестности Каракаса. Но не пошли навстречу. Тогда я сам себя уволил, оставил работу, приехал в столицу страны на свой страх и риск.

Катя и Оля жили с родственниками в картонном домике, который был построен ими на посланные мной из Гуаздуалито деньги. Домик этот представлял помещение шести метров длиной и три метра шириной. Он был перегороден на две части. В первой стояла печка и стол, во второй части были кровать и холодильник. К прибытию Кати в Каракас тесть переселился в парикмахерскую, где в уборной поставил электрочайник, а в угол две раскладушки. На ночь для сна раскладушки ставили в салоне, где днем тесть принимал дам, делал им прически.

Я стал ходить искать работу. Меня любезно принял знакомый начальник в министерстве здравоохранения, пообе-

щаль «все устроить». Но обещания – маньяна – здесь обычно выполняются очень долго и я с полгода провел без заработка в Каракасе.

Дождь и мне дали должность разъездного зубного врача.

Семья в Каракасе, а я месяцами мотаюсь по провинции. Остановливаясь, к примеру, в деревне возле школы и у всех детишек и взрослых жителей проверяю зубы. Конечно, миссия моя была не из приятных. Мое появление в классе вызывало порой плач и шум детей, приходилось прибегать к различным психологическим хитростям, чтоб уговорить детишек показать свой рот. Далее раздавал зубные щетки, порошок и объяснял малышам как чистить зубы. Все плохие зубы вырывал. Лечить? Нет, только рвал! Лечить некогда было, да и не ставилась такая задача. Пациентов, кроме детей, было много. Плохих зубов у аборигенов тоже было много. Они и сейчас плохие. А тогда, случалось, принимал по 70 человек в день, вырывал до ста зубов.

Чем лечились они, когда доктора нет, спрашиваешь? Сидит индеец у реки зубной болью мучается. Ему дают чимо – это вываренный табак, паста. Ее он прикладывал к деснам, боль уходила. Полоскали во рту ромом. Тоже помогало. Но ведь во всех крупных деревнях были уже тогда фельдшеры. Они оказывали первую помощь, лечили. Если что посложней, то фельдшер направлял больного в крупный центр.

У меня был свой автобус с полной экипировкой, материалами, которые периодически мы пополняли в Каракасе. Был помощник из смуглокожих, он же водитель. Очень разворотливый парень, но который до восемнадцати лет не видел автомобиля.

Так вот, мы жили с ним очень дружно. Звали его Нестор Пачеко. Он наострил себя делать стерилизацию инструментов, шприцев, кипятил их на примусе. Подавал все необходимое при моей работе с больными. Он, как все венесуэльцы, получал такое же жалование как и я. Но так как у него было три жены, ему все равно ни на что не хватало.

В один месяц к нему одна жена приезжает: «Я тебе родила дочь!» Другая жена приезжает: «У меня аборт!» Третья! Она в этой же деревне, где мы работаем. Девочка совсем. Так вот, приходит мамаша этой девочки и говорит: «Что делать мне? Дочери всего 16 лет, а она уже беременна от тебя, Нестор!»

Пачеко рвал на себе волосы: что делать, доктор? Они сами на меня лезут, чем я виноват!» Да, парень он был смазливый, умел улыбнуться, поговорить, сказать комплимент. А ходил тоже в белом халате. И все девчонки думают: доктор!

А мамаша беременной дочки готова отступить от парня: «Согласна. Пусть не женится, но он должен обеспечить мою дочь!» А он: «Чем я обеспечу, у меня ничего нет».

Да, когда мы приезжаем в деревню, он идет выпить, ведет себя как богатый доктор: «Пиво для всех!» А я же, который настоящий доктор, сижу в сторонке и не могу в этот круг входить, потому что у меня денег не хватало постоянно. Поддерживал семью. А ему – все равно!

С Нестором мы проработали вместе до 64-го года. К той поре я помог ему купить домик в городке Маракайе, чтоб он жил с женой. Какая у него законная, я даже не знал. Но эта была милая, симпатичная. Но он и с этой развелся. Поехал в свое захолустье, где у его отца было маленькое имение, на перекрестке дорог открыл Нестор свою лавочку. Стал торговать. И женился опять на одной шестнадцатилетней девочке. Очень тоже симпатичная, но глухонемая. Я был у них, и он мне говорил, что он очень счастливая, новая жена ни в чем ему не перечит! И родила ему сына. И он с этим мальчиком, как ребенок с обезьянкой, ходил, на плече его носил. Ну а потом у него случилось ожирение сердца, диабет. Стал он очень полный, вскоре умер. Вот его судьба.

А я в 64-м же году сдал все необходимые экзамены и получил диплом венесуэльского зубного врача. Отпала необхо-

димость мотаться постоянно по провинциям, друзья помогли мне купить квартиру, открыть свой зубохирургический кабинет с полным оборудованием... Без помощи друзей было бы очень трудно обойтись. В то время у меня было всего 25 тысяч боливаров, а квартира стоила семьдесят пять тысяч.

До обеда я стал работать для министерства, получал жалование, а после обеда принимал своих пациентов. В частном порядке. Выплатил быстро все долги.

Когда умерли тесть и теща, Катя моя и сестра ее Аннушка унаследовали вот этот дом, где мы ведем нынешний разговор. Мы переехали сюда, продав свои квартиры. Это дало возможность пристроить зубной кабинет здесь. И еще... Еще поехать в замечательное путешествие: Соединенные Штаты Америки, оттуда поехали в Австралию, по пути заехали в Новую Зеландию, на Гавайские острова. И стоило это все в то время 10–12 тысяч долларов. Не дорого. Но все равно я не разбрасывался деньгами, дорогих гостиниц, как наш нынешний президент, по пять тысяч долларов за комнату, не брал. Остановливался у друзей, у знакомых. Они приезжали потом к нам, всегда здесь находили место, ночлег, тарелку супа.

В дальнейшем пошла дружба с суворовцами, нахимовцами в родном Отечестве. В 90-м году, уже пенсионером, я поехал в Россию, был в Ростове, в Тобольске, в Тюмени. В кабинете моем работал уже другой русский врач – Кирилл Жолткевич. А потом Кирилл снял другое помещение, и я подарил ему все оборудование своего зубохирургического кабинета. Кирилл, конечно, ты помнишь по 91-му году, когда ты, сибиряк, впервые оказался в жаркой Венесуэле, вы с ним общались и даже, помню, гуляли по ночному Каракасу...

Сейчас мой внук Саша, молодой зубной врач, говорит мне: «Деда, почему ты ему подарил оборудование, а не мне оставил?» А я отвечаю: «Ты еще тогда на роликовых коньках катался. И не хотел учиться».

Ну, бабушка купила Саше все необходимое для работы оборудование – за две тысячи долларов. Правда, бабушка осталась без средств на похороны. Вот такие дела.

5

Еще несколько печальных страниц из нашего прошлого...

В 1949–50 году, когда югославенский президент Тито порвал со Сталиным, он произвел чистку в русской колонии. Русских, проявивших себя приверженцами Сталина и Интернационала, стал притеснять и третировать как нежелательный в стране элемент, многих посадил в тюрьмы. К этой поре уже давно не было у меня отца и старшего брата Анатолия. Он еще в 1944 году, когда Красная Армия пришла в Белград, попал под чистку энкаведешную. Чистили тех, кто не убежал из Белграда и других сербских мест, а ждал братьев русских, надеясь, что «родина им простила».

В последний раз я виделся с Анатолием в сентябре 1944 года, когда, как сказано выше, сумел на короткое время прилететь и улететь из Белграда на немецком самолете. В те дни я советовал Анатолию уехать в Вену последним беженским поездом. Он сказал, что куда он не поедет с женой и маленькой дочкой, когда кругом свистят бомбы. Да и мать, сестру, брата младшего он, как старший, не может оставить. Еще надеялись, что может объявиться и наш отец, который пропал в неизвестности в сорок третьем году. Вдруг объявится, придет, а родных нет никого!

Еще Анатолий был уверен, что от красных ему ничего не будет, ни в чем он перед СССР не виноват, ведь увезен он был из России в 20-м, когда ему было всего семь лет.

На том мы и расстались в сентябре 44-го. Потом уж я узнал, что «в один прекрасный день» в нашем доме появились двое военных, забрали Анатолия, и он тоже сгинул где-то в недрах НКВД. Жена его ходила туда, спрашивала о муже, но ей посоветовали «сидеть спокойно и не высываться, пока и ее не арестовали».

С разрывом между Тито и Сталиным русским предложили вообще убраться из Югославии. Нам, в Каракас, пришло письмо, в котором родственники писали, что если мы не придем им официальное приглашение приехать сюда, им придется ехать к тете Наде, которая жила в Советской России.

Мы послали приглашение для моей мамы, младшим сестрам Лидии и Ольге с её детьми и мужем Сергеем Гуцаленко, который работал агрономом в государственном сельхозпредприятии, также младшему брату Павлу, который родился в Югославии, был женат на сербке, при вступлении Тито в Белград он был мобилизован и работал при какой-то военной части зубным врачом.

И вот в начале 51-го года, через итальянский город Триест, почти все родственники приплыли в Венесуэлу на пароходе в порт Ла Гуайра. Не выпустили из Югославии пока Павла с его семьей.

Конечно, приехавшим было уже, в отличие от нас, легче обустроиваться на новом месте. И лачуги им на окраине города, в районах Алта Виста и на Кате, быстрее нашлись. Мама с моей младшей сестрой Лидой поселились у нас в картонном домике, помогали моей Кате ухаживать за маленькой Олей. Шурин Гуцаленко нашел работу садовником у одного здешнего домовладельца, а сестра и невестка устроились в зубоврачебной лаборатории. Работали, конечно, за гроши...

В 52-м году получили известие, что младший брат Павел находится с семьей в Болгарии, просит «выписать» их к нам, в Венесуэлу. Оказалось, что титовские власти пришли как-то вечером в домик, где жил брат, приказали взять самое необходимое Павлу, его жене и их двухлетнему ребенку, отвезли в полицию, где уже находилось много русских. Для чего их привезли туда, никто не знал. Затем всех привезли на железнодорожный вокзал, заперли в товарный вагон, и поезд двинулся в сторону болгарской границы. Далее отцепили вагон с русскими от состава, толкнули его локомотивом, и вагон покатился «самотеком», въехал на болгарскую территорию. Там уже «приняли» катящийся по рельсам вагон болгарские пограничники. Вскрыли вагон и передали всех русских на попечение Болгарского Красного Креста. Там спрашивали – куда кто хочет ехать? Некоторые называли Советский Союз, другие желали остаться в Болгарии, брат сказал, что у него нигде, кроме Венесуэлы, родственников нет. Болгары помогли семье Павла перебраться через Турцию в Италию, куда мы выслали им приглашение. Вот так остаток нашей семьи очутился здесь, в жаркой стране, где всем нам сказали: трудитесь, стройте сами свое будущее!

Шурин Сергей Гуцаленко в скором времени получил от правительства участок земли в провинции в 35 гектаров, домик, трактор, сеялку, телегу, получил субсидию, также семена, и он начал засеивать землю кунжутом, из которого добывают постное масло. Надо сказать, что первый собранный урожай почти целиком пошел в уплату долгов. И все же забрали не все, дав возможность хозяйству Гуцаленко развиваться.

Младший брат Павел, прибыв в Венесуэлу, сразу же поступил в университет, сдал все экзамены, чтоб получить диплом венесуэльского зубного врача, открыл частную практику. Постепенно построил себе просторный дом, где жил с семьей и нашей мамой Ольгой Павловной. У брата трое детей. Старший закончил зубоврачебный факультет и работает вместе с папой. Второй сын работает в своем сельскохозяйственном имени. Дочь Ольга закончила зубоврачебный факультет, вышла замуж за русского, родившегося уже здесь, в Венесуэле. Живут они в далекой провинции, где муж работает на алюминиевом производстве, а Оленька содержит домашний зубной кабинет и воспитывает детисек.

Сам брат Павел, как очень набожный человек, после того как многие священники наши ушли в лучший мир, по настоянию владыки Серафима, принял сан священника, служит в

Православный храм в Каракасе

храме Святого Николая на Дос Каминос. Приход, конечно, не дает возможности к существованию, потому отец Павел продолжает работать и зубным врачом.

Стал священником и Сергей Гуцаленко, кадет, окончивший университет в Югославии, а здесь много лет и успешно работавший на земле, выращивая разные местные сельхозкультуры. Кстати, он тоже прошел титовскую чистку в Югославии, и говорил, что «спасло его чудо». Так вот, работая здесь на земле, он, тоже отличаясь большой набожностью, по предложению владыки Серафима, кадета Одесского корпуса, стал священником, получил приход в Валенсии, где была довольно многочисленная русская колония. Прослужил в церкви до 1995 года. Сначала умерла матушка Ольга. Потом и он от рака. Приход опять остался без священника. Их дочка вышла замуж за русского и живет в Канаде, сын женился на американке, разошелся, уехал в Москву, работает в какой-то фирме.

Еще надо сказать о старшем моем шурине Леониде Пульхридове, который был женат на старшей нашей сестре Галине. Они уехали в свое время в Северную Америку. Леня устроился там работать на кафедре анатомии в Калифорнийском университете, изучал анатомию обезьян, дослужился до пенсии. В это время умерла жена его Галина. Он женился вторично. И вот уже прошло несколько лет, как он перешел в лучший мир. Их сын Николай закончил университет в Лос-Анджелесе, остался при университете, дослужился до полного профессора. Женился на православной арабке из Иордании, сейчас тоже на пенсии, живет в США со своей семьей.

Многое и многое уже позади. Но живем мыслями и думами о России. Нас учили с пеленок, что Россия была и будет. Сейчас она болеет, но переборет свою болезнь и станет державой, с которой все в мире будут считаться.

Каракас – Тюмень.

Тюмень литературная

Снег в городе

Как-то раз осторожно в ночной тишине – трое путников в дверь постучали ко мне. Я спросил их – кто там? – и раздался ответ: «Мы бродяги, но ты не пугайся, поэт! Тыпусти нас к себе и услышишь такое, что лишит тебя мысли о личном покое, и – доверия к людям, с которыми ты был готов разделить и любовь и мечты».

Что же, робость и трусость ко мне не пристали, я впустил всех троих и они мне сказали, прерывая друг друга надрывно, навзрыд: «Знаешь, как нас зовут? Разум, совесть и стыд! Без чего на Руси жить не мог человек. Но настал двадцать первый злой рыночный век. И теперь нас старательно топчут ногами –

существа в человеческом облике сами, – но которые нас и себя продают. Их в народе нечестными просто зовут. И забыты мы нынче такими людьми – перед их же кровинками, перед детьми.

Белоручки-мамаши, по рабству подруги, потерявшие честь, превратились в прислуги. Служат новым хозяевам и мужики, униженно, воле своей вопреки. И готовят при том, нарушая законы, деткам эксплуататоров кресла и троны. Про своих же детей «забывают» они, коль хапужных лелеют и ночи и дни.

Материнские чувства теперь сожжены, сострадания и жалость иным не даны. Трудовые мозоли не в пользу идут. Да, их деток деньки невеселые ждут. Черный труд ждет – лопаты, скрепки да верхонки... А командовать ими приспеют – подонки, что вбирают в себя от нечестных отцов жажду к власти, к богатству и – верткость дельцов.

Повсеместно нас предали (с легкостью, Боже!), ведь карьера и деньги теперь всех дороже. Что касается гордости русской Святой, то осталась она за предельной чертой...»

Тут гостям возразил я: «Друзья дорогие! У народов Руси все ж основы – другие. Да, конечно, одной мы землей рождены. Да, характеры разные людям даны:

*кто не терпит насилия,
наглости взлет;*

*кто трусливо себя
и детей продает;
кто ворует безбожно,
но честный на вид;
кто совсем потерял разум,
совесть и стыд.*

Я ж с пеленок храню все достоинства гордо. Вместе мы неразлучны, как звуки аккорда. Вместе мы родились в сорок третьем, весной. Вместе нам суждено отойти в мир иной».

Диалог наш ночной до утра не прервался. Я пришельцев троих успокоить пытался. Но они продолжали все также рыдать, от того, что в России смогли их предать. Я подумал тогда: до чего вы дошли, люди нашей прославленной Русской Земли! Как до низости вы докатились такой, что лишились рассудка и чести людской! Эх, мужчины, и наши красавицы, дамы! Где же ваши достоинства, папы и мамы!? Для чего вы детей породили на свет? Кто несет за их жизни сегодня ответ? Да, родители, прежде всего, только вы. Потому не теряйте своей головы.

Ради Бога, верните же, будьте людьми, разум, совесть и стыд пред своими детьми! А иначе они проклянут вас потом, когда бить их судьба будет жгучим кнутом.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕНЦЕВ.
с. Беркут Ялуторовского района

* ГИБЛОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ *

Здравствуйте! Пишет вам инвалид второй группы Яковлев Николай Александрович. Я очень тяжело болен... Раньше мы (я, брат и мать) жили в г. Заводоуковске Тюменской области, правда, избушка наша находилась на болоте... Потом у матери случился обширный инфаркт сердца, а когда она вышла из больницы, из-за болотных испарений «скорую помощь» приходилось вызывать ей до двух раз в сутки... Возникла острая необходимость сменить место жительства.

Но когда продали избушку, денег выручили так мало, что в самом Заводоуковске жилья было не купить. Тут кто-то из соседей сказал, что дешевое жильё в селе Вагай Омутинского района... Так мы очутились здесь.

Село Вагай оказалось со всех сторон окружено болотами, воздух и вода здесь чересчур плохие. Мать в скором времени, находясь в таком климате, умерла, а мы с братом страшно мучаемся, бодем, последние недели часто вызываем «скорую помощь» то мне, то ему.

«Вагай – гиблое место!» – говорят местные жители и при малейшей возможности уезжают жить к родственникам в другие места: очень много в селе пустых, заколоченных домов... Но куда ехать нам?

Несмотря на тяжелейшую болезнь, я в свое время поступил и закончил заочно филологический факультет Тюменского университета. Более 10 больших моих статей было опубликовано в московской газете «Книжное обозрение» (до этого в районной газете, которая называлась «Советское Зауралье», было опубликовано около 150 моих материалов за несколько лет).

У самого меня компьютера нет, но в Москве у меня есть друг, который открыл для меня страничку в Интернете. Вот мой адрес: <http://www.livjourna1.com/users/vagau>

Я высылал другу в Москву около 80 стихотворений, две поэмы, несколько статей... Не знаю, все ли из присланного он поместил в Интернет...

Кроме того, одну из статей (работа о Лермонтове) я послал в г. Пятигорск, в государственный музей поэта, и главный хранитель музея, Н.В. Маркелов, написал мне, что моя работа будет помещена в числе других лучших работ о Лермонтове последних лет в специальный зал «на вечное хранение». Я как раз нахожусь на грани самоубийства и если все же... отрадно сознавать, что хоть что-то останется «на вечном хранении».

Хотя не все ли равно?

С уважением Яковлев Н.В.

PS. Дом мой разрушается... Недавно полностью рухнула печь.

Мой адрес: 627060, Тюменская обл., Омутинский район, с. Вагай, ул. Пролетарская, 38. Тел. 8-34544-2-51-14.

От редакции: Вот такое горькое письмо пришло в писательскую организацию Тюмени. Есть у нас одна малая возможность помочь человеку – опубликовать письмо в нашей газете «ТЛ» – в надежде, что прочтут представители власти, депутаты, человеку будет оказана какая-то помощь, о которой он, впрочем, уже и не просит, отчаявшись, вероятно, от сего гиблого существования.

Памятные 70-е годы

Всесоюзные Дни литературы. Писатели на берегу Карского моря

Писатель и геолог Геннадий Сазонов

На палубе теплохода.
Николай Шундик и за чтением газеты
Евгений Шерман

ТЮМЕНЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ТЮМЕНЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ

Художник Остап Шруб

*Истачивает керосин в лампе.
 Оробел огонек.
 Сияет на теплой шершавой ладони золото
 ордена.
 Сверкают на золоте благодарные тихие слезы.
 Прекрасное в глубоком своем откровении лицо
 русской женщины.
 Тихий, не слышимый миру час...
 Третьи поют нетухи...*

Из сказа Ивана Ермакова "Аленушка".

ЛИТЕРАТУРНАЯ

Тюмень
 Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Тюменская и Ханты-Мансийская писательские организации.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 17.10.2007. Тираж 350 экз. Заказ № 1605.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. ПЯТКОВОЙ. Корректор В. П. БУМАГИНА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются. Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

